

СИНДРОМ ОРИОНА

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский
Синдром Ориона

«Автор»

2026

Северский А.

Синдром Ориона / А. Северский — «Автор», 2026

Инженер аварийного флота Илья Веден заражается синдромом Ориона — болезнью, которая позволяет видеть траектории и управлять сложнейшими системами, но стирает память о причинах собственных решений. Каждая спасённая жизнь приближает его к «нулю», где от человека остаётся идеальный исполнитель без права отказаться. След пропавшей сестры приводит Илью и его дочь Наю к древней навигационной сети К-17. Двадцать три носителя удерживают межзвёздные трассы ценой собственной личности, а флот готов уничтожить маяк вместе с ними, чтобы остановить заражение. Илье предстоит найти третий путь: заменить живые узлы аппаратными, не превратив добровольцев, близких и себя самого в расходный материал. «Синдром Ориона» — напряжённая научно-фантастическая история об экспедиции, измеримой цене усиления и праве человека заново выбирать себя, даже когда память уже не может подтвердить прежнее имя.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Три точки	6
Глава 2. Карантинный долг	13
Глава 3. Индекс непрерывности	21
Глава 4. Буксир «Мнема»	31
Кольцо без центра	40
Чужая карта боли	46
Цена курса	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Северский

Синдром Ориона

От автора

Мы привыкли считать память хранилищем личности: пока человек помнит своё имя, близких и сделанные выборы, он остаётся собой. Но память ненадёжна даже без космических болезней. Она стирает подробности, перестраивает причины, уступает место чужим рассказам — а человек всё равно продолжает отвечать за то, что делает дальше.

«Синдром Ориона» вырос из вопроса о полезности, которая становится слишком убедительной. Если опасная способность спасает корабль, станцию или целый маршрут, легко потребовать от её носителя ещё одной жертвы. Труднее заметить момент, когда добровольный риск превратился в обязанность исчезнуть ради остальных.

Это приключенческий роман об экспедициях, инженерных решениях и большом космосе, но его главный путь проходит не между звёздами. Он проходит между знанием о прошлом и правом заново выбирать себя. Возможности героев здесь измеримы, цена необратима, а ни один сохранённый факт не заменяет человеку согласия.

Книгу можно читать как завершённую историю. Её мир оставляет маршруты для продолжения, однако центральный выбор будет сделан здесь — теми, кому предстоит решить, должна ли личность принадлежать собственной памяти, общей пользе или будущему поступку.

Глава 1. Три точки

Первым сломался не грузовой узел. Первой сломалась уверенность диспетчера, что узел ещё можно спасти.

— Повторяю: всем постам покинуть кольцо, — произнесла Лисса Тан в общем канале. Голос у неё оставался ровным, но на слове «покинуть» автоматика вырезала короткий вдох. — Осевой склад потерял стабилизацию. До касания внешней фермы сто восемьдесят секунд.

Илья Веден прижал магнитный ботинок к ребру сервисного тоннеля и посмотрел сквозь прозрачную панель пола. Внизу — если в кольце вообще существовало честное «внизу» — медленно разворачивался контейнерный блок длиной в триста метров. На его борту мигали жёлтые огни, похожие на окна огромного пустого дома. Блок не должен был вращаться. Тем более вокруг двух осей сразу.

За ним тянулись оборванные тросы. Один хлестал по вакууму, другой уже намотался на транспортную стрелу. Когда склад заденет ферму, удар уйдёт по конструкции грузового Свода, и тогда эвакуировать придётся не одну смену, а все сорок тысяч жителей кольца.

— Не покинуть, — сказал Илья. — Развести людей по гермоотсекам четыре и шесть. Катера сейчас попадут под обломки.

— Веден, приказ уже отдан.

— Поэтому отмени его быстрее.

Он раскрыл на запястье схему. Сеть отвечала с задержкой в четыре десятых секунды: после выброса синей пыли в осевом складе половина датчиков либо ослепла, либо показывала неправдоподобно хорошие значения. На схеме контейнерный блок обозначался спокойным зелёным прямоугольником. В настоящем мире он приближался к ферме со скоростью, достаточной, чтобы превратить восемь жилых секторов в задачу для спасателей.

Рядом на страховочном фале висел техник Рем Браго. Молодой, сильный, второй месяц в аварийной смене и потому всё ещё уверенный, что сила рук помогает против инерции.

— Успеем на шлюпку? — спросил он.

— Нет.

— Хорошо, что вы не умеете успокаивать.

— Умею. Просто это не тот случай.

Илья увеличил схему приводов. У склада оставались три маневровых кассеты. Носовая молчала, кормовая отвечала, средняя считала себя исправной, хотя температура в ней росла на два градуса в секунду. Запустить кормовую на торможение было очевидным решением. И неправильным: вращение вокруг продольной оси усилится, оборванный трос перехлестнёт ферму раньше корпуса.

— Лисса, дай мне массу блока по последней погрузочной ведомости. Не телеметрию.

— Сто девяносто тысяч тонн.

— Ведомость закрыта до или после прихода «Невы»?

Пауза заняла секунду. Слишком долго.

— До.

— Значит, ещё двадцать четыре тысячи и смещение центра на секцию Г. Отбой катерам. Людей в четыре и шесть.

— Чем ты собираешься его держать?

Илья смотрел на транспортную стрелу. Та была рассчитана на перемещение грузов, не на остановку склада. Но её основание крепилось к отдельной силовой раме, а поворотный привод имел механический стопор. Если освободить намотанный трос, развернуть стрелу на семнадцать градусов и поймать второй конец, конструкция примет часть момента. Не остановит.

Изменит плоскость вращения настолько, чтобы блок прошёл между внешней фермой и радиаторным полем.

«Между» означало коридор шириной меньше сорока метров.

— Ничем, — сказал он. — Отведём удар мимо.

Он переслал расчёт. Терминал Лиссы почти сразу окрасил его красным.

— Модель не сходится.

— Потому что модель считает массу симметричной. Я отправил поправку.

— Илья, даже с ней допуск три процента.

— Два и четыре.

— Это должно меня утешить?

— Нет. Отмена катеров должна.

В общем канале защёлкали подтверждения гермоотсеков. Двадцать шесть человек уже укрылись. Пятеро ещё двигались по переходам, двое находились с Ильёй на внешнем сервисном кольце. Третьим был оператор стрелы Яр Нол, запёртый в кабине по другую сторону вращающегося склада.

— Яр, живой?

Сквозь треск пришёл раздражённый ответ:

— До вашего вопроса был уверен.

— Сними питание с поворотного привода и разблокируй механический стопор.

— Стрела под нагрузкой.

— Поэтому сначала питание.

— Она же уйдёт свободно.

— На шесть градусов. Потом её удержит намотка.

— А если на восемь?

— Тогда у нас станет на одну проблему меньше. Кабину срежет первой.

Рем тихо выругался. Яр, напротив, засмеялся один раз и отключил привод.

Стрела дрогнула. По сервисному тоннелю прошёл низкий гул, который Илья скорее почувствовал зубами, чем услышал через корпус скафандра. На экране угол пополз: два градуса, четыре, пять с половиной. Намотанный трос натянулся и остановил движение на шести целых двух десятых.

— Всё ещё живой, — сообщил Яр.

— Не отвлекайся на привычки. Рем, со мной.

Они двинулись к аварийному шкафу. Под ногами медленно шёл звёздный свет: кольцо вращалось, создавая тяжесть в жилых секторах, но здесь, у оси, каждый шаг приходилось закреплять магнитами. Илья считал щелчки ботинок и следил за складом. До фермы — сто двадцать секунд.

В шкафу лежали два импульсных резака, бухта тонкого управляющего фала и старый ручной метатель, который Рем называл бы музейным, если бы не был занят дыханием.

— Надо перерезать намотанный трос? — спросил он.

— Только одну жилу.

— Их там двенадцать.

— Одиннадцать порвутся сами, когда стрела возьмёт нагрузку. Если резать весь сейчас, мы потеряем рычаг.

Илья подключил метатель к диагностике. Заряд — восемьдесят один процент. Давление — в норме. Поправка прицела — для штатного наконечника, которого в шкафу не было. Вместо него хранился ремонтный «паук»: четыре магнитные лапы и катушка фала.

— Вы хотите попасть этим в свободный трос? — Рем посмотрел на тонкую линию, метавшуюся в десятках метров от них.

— Нет. В грузовую петлю на его конце.

— Она размером с ладонь.

— С две ладони. Не отнимай у нас шансы.

На внутренней стороне шлема возникло лицо Лиссы.

— Последний человек вошёл в шестой отсек. Катера закреплены. Но автоматика не принимает твою схему: нет достоверных координат обломков.

— Мне не нужны все обломки.

— Один пробьёт тоннель — и твой план закончится.

— Тогда отсеки четыре и шесть останутся целы.

Она поняла. План Ильи не спасал узел. Он выбирал, какую часть узла можно потерять, не потеряв людей.

— Разрешаю операцию, — сказала Лисса. — Под мою ответственность.

— Под общую. Я расчёт отправил.

— Иногда ты невыносим.

— Запиши это в итоговый акт. Сорок лет собираюсь прочесть.

До касания — девяносто секунд.

Они вышли на открытую площадку. Здесь не было даже прозрачной панели между человеком и пространством — только редкие поручни, кабельные короба и чёрная глубина, перечёркнутая вращением Свода. Контейнерный блок заслонил звёзды. С его борта срывались листы теплоизоляции, ящики, белые облака замёрзшего хладагента. Всё вращалось с разными скоростями и казалось медленным лишь из-за размеров.

Илья закрепил метатель на плече скафандра. Прицельная рамка прыгала вслед за грузовой петлёй.

— Первый проход через девять секунд, — сказал Рем, глядя на расчёт терминала.

Илья видел: через двенадцать.

Не предполагал. Не пересчитывал. Просто видел тонкую дугу, по которой петля пройдёт между двумя клубами хладагента. Рядом существовали другие дуги: резкий излом сорванной панели, широкая спираль контейнера, почти прямая линия болта, который ещё не появился из-за корпуса склада. Они светились не глазами и не на стекле шлема. Они были знанием, наложенным на пространство, таким же непосредственным, как положение собственной руки.

Илья моргнул. Линии остались.

— Одиннадцать, — сказал Рем. — Десять. Девять.

— Замолчи.

Он опустил метатель.

Рем повернул шлем:

— Что?

По дуге сорванной панели шла рябь. Илья понял, что её край ударит в площадку за полсекунды до появления петли. Расчёт этого не показывал: датчик видел панель плоской, а она была согнута и вращалась быстрее.

— Вниз!

Он дёрнул Рема за страховочный узел. Панель прошла там, где находились их шлемы, срезала антенну аварийного шкафа и исчезла за тоннелем. Следом из темноты вылетел болт. Илья поднял левую руку; болт ударился о наплечник и ушёл вверх.

Боль пришла позже, тупая и тяжёлая.

— Как вы...

— Потом.

Петля уже уходила. По расчёту следующего прохода не было: свободный трос должен был обмотаться вокруг корпуса. Но Илья видел его путь. Через двадцать три секунды петля окажется над стрелой, на мгновение почти неподвижная относительно площадки.

Он не знал, откуда взялась уверенность. Знал только цену ошибки.

- Яр, доверни стопор на один зуб.
- Руками?
- У тебя есть другой Яр в соседней кабине?
- Уже ищу рычаг.
- Рем, на катушку. Выпускай фал по моей команде, тормоз не трогай.
- Но терминал говорит...
- Терминал не видел панель.

Рем посмотрел на срезанную антенну и обхватил катушку обеими руками.

Илья снова поднял метатель. Светящиеся дуги множились. Некоторые гасли, едва возникнув; другие ветвились от движения его плеча. Стоило чуть сместить ствол — и грузовая петля проходила мимо, «паук» разбивался о склад, фал захлёстывал Рема. Вернуть ствол — и оставался один узкий путь между обломками.

Он выбрал его прежде, чем успел испугаться того, что выбирает.

— Стопор сдвинул! — крикнул Яр.

Стрела дёрнулась. Свободный трос поднялся над её корпусом.

— Фал.

Рем отпустил катушку.

— Выстрел.

Метатель толкнул плечо. «Паук» ушёл в темноту, разматывая тонкую нить. По рамке прицела он промахивался почти на метр. В светящейся геометрии пространства грузовая петля сама двигалась к нему.

Они встретились.

Магнитные лапы сомкнулись на ободке. Катушка взвыла. Рем качнулся вперёд, но удержал корпус на поручне.

— Поймал!

— Это не рыба. Трави до синей метки.

Илья прыгнул к намотанному тросу и включил резак. Двенадцать силовых жил лежали тугим блестящим пучком. Нужная жила отличалась от остальных только направлением нагрузки. На экране оно выражалось цифрами. В новом зрении — багровой линией, уходившей в основание стрелы.

Он перерезал соседнюю.

Не нужную.

Ошибка стала очевидной в ту же секунду. Стрела ушла на полградуса, грузовой блок качнулся, коридор между фермой и радиаторами сузился.

— Илья! — голос Лиссы сорвался. — Что изменилось?

— Я ошибся.

Рем замер.

— Исправляю, — добавил Илья.

Он не пытался объяснить, что линии показывали движение, но не подписывали материалы. Способность не знала, какую из одинаковых жил выбрал инженер. Это должен был знать он сам.

Илья провёл перчаткой по пучку, нашёл едва заметную заводскую насечку и отсчитал четыре жилы против направления свивки.

— Яр, приготовь аварийный сброс кабины.

— Это приказ уходить?

— Это приказ приготовить. Уйдёшь, если основание даст трещину длиннее метра.

— А если девяносто сантиметров?

— Сфотографируешь для отчёта.

До фермы — тридцать одна секунда.

Резак вошёл во вторую жилу. Когда металл разошёлся, остальные одиннадцать запели — высокий звук передался через перчатки и поручни. Стрела повернулась. Рем затормозил катушку на синей метке, свободный трос натянулся, и оба конца огромной конструкции приняли движение склада.

Механический стопор раскололся.

Стрела пошла дальше, уже не на приводе, а под массой грузового блока. В кабине Яра возникла трещина: тридцать сантиметров, пятьдесят, восемьдесят.

— Сиди, — сказал Илья.

— Очень ценю подробные инструкции.

Кормовая кассета склада оказалась в нужном положении.

— Лисса, импульс: сорок процентов, одна целая семь секунды.

— Автоматика блокирует запуск. Кассета вне допуска.

— Ручной код пять-кедр-девять.

— Это твой инженерный доступ.

— Именно поэтому я его помню.

Код ушёл. На корме блока вспыхнули белые струи. Склад будто остановился, хотя продолжал лететь; изменилась только ось его вращения. Натянутый трос потащил стрелу вслед. Трещина на кабине Яра выросла до девяноста трёх сантиметров.

— Сейчас, — сказал Илья. — Сброс.

Кабина отстрелилась от стрелы за миг до того, как основание сложилось. Маленькая капсула Яра закувыркалась к сервисному кольцу. Рем выругался снова — на этот раз с восхищением.

Грузовой блок вошёл в коридор.

Линии вокруг него сошлись в единственную траекторию. Левая грань прошла в одиннадцати метрах от внешней фермы, оборванный трос вырвал три сегмента обшивки. Правая срезала край радиаторного поля. По Сводам побежало дрожание. Потом склад оказался за фермой и начал уходить в пустоту, медленно вращаясь среди собственных обломков.

Никто не говорил пять секунд.

— Все гермоотсеки держат давление, — наконец произнесла Лисса. — Яр, сигнал капсулы вижу. Подберём через четыре минуты. Веден, Рем, возвращайтесь в шлюз.

Светящиеся линии исчезли.

Илья стоял, вцепившись в поручень, и смотрел на обычное пространство. Оно казалось неполным. Опасно немым.

— Вы знали, куда всё полетит, — сказал Рем.

— Я рассчитал.

— Вы увернулись до сигнала датчика.

— Датчик был неисправен.

— Вот именно.

Илья хотел ответить, но в этот момент боль в левом плече стала острой. Система скафандра сообщила о трещине в наружном слое и герметизировала повреждение пеной. Под кожей расплывался ушиб. Ничего серьёзного.

Странная пустота внутри головы пугала сильнее.

В шлюзе их встретила медицинская платформа. Рем послушно сунул руки в диагностические дуги, продолжая рассказывать Лиссе про панель, петлю и выстрел. Илья снял шлем. Воздух пах пластиком, горячим металлом и пылью фильтров.

— Не двигайтесь, — сказала платформа.

— Это всем или лично мне?

— Инженер Веден, посмотрите на белый круг.

Он посмотрел. Свет ударил в глаза. Затем зелёный, синий, снова белый.

Лисса вошла в шлюз, не снимая форменной куртки поверх аварийного комбинезона. Она сначала осмотрела Илью, потом повреждённый шлем.

— Двадцать семь человек целы, — сказала она. — Яр ругается из капсулы. Значит, тоже цел.

— Двадцать восемь, — поправил Рем. — С нами.

— Вас я ещё не проверила.

— Диспетчер Тан, — вмешалась медицинская платформа. — Требуется изоляционный протокол.

На экране возникло увеличенное изображение глаза Ильи.

На серой радужке, чуть ниже зрачка, горели три крошечные точки. Не отражения ламп: он повернул голову, а они остались на месте. Точки образовывали неровную линию, знакомую по карантинным памяткам последних двух лет.

Рем отступил так резко, что ударился спиной о стену.

— Орион, — прошептал он.

Лисса закрыла внутреннюю дверь шлюза и положила ладонь на аварийную панель.

— Медплатформа, подтвердить первичный признак по независимому спектру.

— Выполняю.

Илья смотрел на собственный глаз. Случаи синдрома казались ему до этой минуты чужой статистикой: заражённые рудники, закрытые исследовательские модули, исчезнувшая экспедиция у дальнего Свода. Теперь статистика смотрела на него из зеркального экрана.

— Это могла быть пыль со склада, — сказал Рем. — Там же выбросило синий груз.

— Молчи, — тихо приказала Лисса.

Не потому, что он ошибался. Потому, что был прав.

Платформа выпускала из корпуса тонкие манипуляторы. Один взял пробу с уплотнения скафандра, другой коснулся виска Ильи. На экране побежали спектральные полосы.

Илья закрыл глаза.

Надо было сообщить Нае до официального карантинного вызова. Сказать спокойно, без медицинских сокращений. Она спросит, почему он снова полез на внешнее кольцо лично, если для этого существовала смена. Он ответит, что смена и была там лично.

Потом Ная замолчит точно так же, как её мать.

Илья попытался вспомнить голос Аси.

Он помнил факты. Ася растягивала гласные, когда сердилась, и смеялась почти беззвучно, опуская подбородок. Называла его Илюшей только наедине и «инженером» при друзьях. В последнюю ночь в больнице попросила открыть настоящее окно, хотя за ним была техническая шахта Свода. Все эти сведения сохранились, аккуратные, доступные.

Но голоса не было.

Илья вспомнил слова: «Не превращай Наю в ремонт, который надо закончить». Увидел сухие губы, прядь волос на подушке, собственную руку поверх её руки. А фраза прозвучала внутри его головы его собственным голосом.

Он попробовал снова. Взял другое воспоминание: кухня, перегретый чайник, Ася поёт старую песню и нарочно заменяет слова названиями инструментов. Картинка возникла. Мелодия — тоже. Пела тишина.

— Илья? — Лисса шагнула ближе. — Что с тобой?

Он открыл глаза.

— Я не помню голос жены.

Рем перестал дышать так шумно.

— Она умерла семь лет назад, — осторожно сказала Лисса.

— Я знаю, когда она умерла. Знаю, что говорила. Не знаю, как.

Медицинская платформа подала короткий сигнал. Спектральные полосы сменились красной рамкой.

— В образце обнаружен силикатно-белковый аэрозоль неизвестной классификации. Зафиксирована устойчивая трёхточечная депигментация радужки. Нейроскан выявил локальное нарушение слуховой автобиографической реконструкции. Совокупность признаков соответствует синдрому пространственной интеграции, обиходное название — синдром Ориона.

Лисса убрала руку с двери. Теперь шлюз мог открыть только карантинный офицер.

— Стадия? — спросила она.

— Требуется углублённая диагностика. Предварительно: первая ступень, «контур».

Илья снова посмотрел на три светлые точки. Несколько минут назад несуществующие линии провели его сквозь поле обломков и позволили спасти смену. Взамен исчез не факт, не имя и не дата. Исчезла единственная вещь, которую нельзя было восстановить по записи без подмены: чувство, что знакомый голос принадлежал его прошлому.

За прозрачной внешней дверью проплыл спасательный катер с капсулой Яра на захвате. Яр показал через иллюминатор поднятый большой палец.

Двадцать восемь человек были живы.

Илья приложил палец к экрану поверх трёх белых отметин и впервые подумал не о том, умрёт ли от синдрома.

Он подумал, сколько раз ему ещё позволят спасти кого-нибудь такой ценой — прежде чем спасать будет уже некому.

Глава 2. Карантинный долг

Карантинный модуль пристыковался через сорок три минуты, но ещё два часа никто не открывал шлюз.

За это время Илья успел дать три показания, отказался от успокоительного и обнаружил, что память умеет причинять боль даже отсутствием. Стоило ему перестать отвечать на вопросы, как внутри возникала задача: вспомнить голос Аси. Он перебирал сцены одну за другой, будто проверял повреждённую линию. Кухня. Больничная палата. Первый день после рождения Наи. Везде сохранялись слова, жесты, выражение лица. Звук подменялся его собственным внутренним голосом.

Когда наружная дверь наконец разошлась, за ней не оказалось людей в тяжёлых скафандрах. В шлюз вошла женщина в сером герметичном костюме без знаков флота. На воротнике светилась эмблема Института Контуров: три незамкнутые дуги вокруг чёрной точки.

Она поставила на пол узкий контейнер и не представилась.

— Вы принимали нейростимуляторы за последние семьдесят два часа?

— Нет.

— Теряли сознание?

— Нет.

— Наблюдали цветовые или звуковые соответствия движущимся объектам до аварии?

— Если вы спрашиваете, видел ли я траектории раньше, то нет.

— Я спрашиваю именно то, что произнесла.

Она говорила негромко, с усталой точностью человека, которому приходится защищать вопросы от чужих ответов. Лицо у неё было узкое, волосы обрезаны почти до кожи. На правой перчатке — следы прозрачного герметика, нанесённого вручную.

Илья отметил, что костюм старше контейнера лет на десять, но проверен лучше большинства флотских. Не чиновник.

— Тогда нет, — сказал он. — Ни цветов, ни звуков.

— Движение ощущалось как зрительный образ?

— Не глазами. Я закрывал один — ничего не менялось. На стекле шлема записи нет.

— Вы могли ошибиться?

— Один раз ошибся. Перерезал соседнюю жилу.

Женщина впервые посмотрела не на терминал, а прямо на него.

— Это полезный ответ.

— Я старался быть больным с хорошей документацией.

— Доктор Мара Эйт. Институт Контуров. С этой минуты я отвечаю за медицинскую часть вашего карантина.

— А за немедицинскую?

— Командир Ким Орсо, карантинный флот. Он не спешит знакомиться с людьми, которых может понадобиться оставить на станции.

Лисса за прозрачной перегородкой резко подняла голову. Мара даже не повернулась к ней.

— Это угроза? — спросил Илья.

— Граница полномочий. Угроза звучала бы иначе.

Она открыла контейнер. Внутри лежали ампулы, одноразовые сенсорные нити и чёрный обруч нейросканера. Илья видел похожие приборы на ежегодной комиссии, только этот был снабжён собственной изоляцией и двумя независимыми накопителями.

— Мне нужно ваше согласие на диагностический протокол, — сказала Мара. — Пробы крови и ликвора, картирование автобиографических связей, стресс-тест без физической нагрузки. От каждого пункта можно отказаться отдельно.

— Если откажусь от всего?

— Останетесь под карантином по санитарному закону. Я не узнаю, как быстро ухудшится ваше состояние. Флот всё равно возьмёт пробы с костюма и из шлюза.

— Значит, выбор существует только внутри запертой комнаты.

— Да. Я предпочитаю называть плохие выборы плохими.

Илья прочитал форму. В ней не было мелкого текста, передающего образцы Институту навечно, зато было восемь отдельных разрешений и срок хранения каждого материала. Он отключил передачу обезличенных данных подрядчикам, запретил использование репродуктивных клеток — странный пункт, который уже сам по себе говорил о чьём-то прошлом скандале, — и подписал диагностику.

— Связь с дочерью, — сказал он.

— После первого скана.

— До.

— Почему?

— Через пять минут сюда придёт официальный карантинный пакет. Ная умеет читать заголовки быстрее, чем люди успевают объяснить содержание.

Мара взглянула на таймер шлюза.

— Три минуты. Без видеосвязи: мы ещё не знаем, передаёт ли визуальный паттерн диагностические данные, которые Институт считает закрытыми.

— Синдром заразен через изображение?

— Нет доказательств.

— Тогда почему...

— Потому что Институт считает закрытыми даже собственные сомнения.

Она соединила его терминал с изолированным каналом. Ная ответила после первого сигнала.

— Папа, грузовой узел закрыли. В ленте пишут про биологическую аварию. Ты где?

Её голос был таким отчётливым, что Илья на секунду потерял смысл слов. Он слышал знакомую поспешность, лёгкую хрипоту после сна, раздражение, уже превращавшееся в страх. Память о голосе дочери была цела.

— В шлюзе номер девять. Я не ранен. На скафандре нашли аэрозоль, поэтому меня изолировали.

— Какой аэрозоль?

Илья посмотрел на Мару. Та не вмешалась.

— Тот, который связывают с синдромом Ориона. Предварительный тест положительный. На другом конце стало тихо.

— Покажи глаза.

— Видео пока запрещено.

— Кем?

— Врачом. Её зовут Мара Эйт.

— Я найду её протоколы.

Мара едва заметно подняла бровь.

— Найди сначала правила доступа на карантинную палубу, — сказал Илья. — И не приезжай сюда.

— Это приказ?

— Просьба с хорошей инженерной аргументацией.

— То есть приказ, который боится ответственности.

Фраза была Асиной. Не голос — оборот, которым она когда-то высмеивала его осторожность. Илья узнал происхождение, но не услышал человека, от которого Ная его переняла.

— Я позвоню после диагностики, — сказал он.

— Я буду ждать сорок минут. Потом начну звонить сама.

— Договорились.

Канал закрылся. Мара сняла соединитель.

— Семнадцать?

— Да.

— Архивист?

— Специалистка по архивным моделям. Не называйте её архивистом: решит, что вы не понимаете разницу, и будет права.

— Она быстро отделяет формулировку от намерения.

— Это семейное осложнение.

Мара развернула кресло диагностики.

— Садитесь. Сейчас мы попробуем выяснить, что ещё стало семейным.

Обруч лёг на виски холодными сегментами. Сенсорные нити приклеились вдоль шеи и за ушами. На стене зажглось поле из сотен серых точек.

— Тест строит карту доступа, а не читает воспоминания, — объяснила Мара. — Я буду давать стимулы. Вы называете первое личное событие, которое возникает. Не ищите более важное или красивое.

— А если не возникает ничего?

— Так и говорите. Пустота — тоже результат, но не всегда утрата.

Первые стимулы казались бессмысленными. Запах нагретой изоляции вызвал учебный док на Своде Дельта и обожжённые пальцы двадцатилетнего Ильи. Звук дождя — школьный зал, где на потолке проигрывали земную погоду, а дети спорили, существовал ли когда-нибудь настоящий гром такой силы. Жёлтый круг — мяч Наи, улетевший в вентиляционную шахту.

Мара задавала уточнения, не позволяя ему рассказывать истории вместо ответов.

— Кто был рядом?

— Ная и Ася.

— Возраст дочери?

— Четыре года.

— Эмоциональная окраска?

— Раздражение. Потом смешно.

— Голос жены присутствует?

— Нет.

На карте серые точки соединялись белыми линиями. Вокруг группы слуховых воспоминаний образовалась тёмная прореха. Она была небольшой — меньше одного процента общей схемы, — но её края уходили в десятки событий.

— Вы сказали, что потеряли один голос, — произнесла Мара. — Проверьте голос матери.

Илья вспомнил старое сообщение, которое она прислала перед смертью. Голос возник сразу: низкий, недовольный, с шорохом дешёвого микрофона.

— Есть.

— Дочери?

— Есть.

— Жены до знакомства с вами? Например, запись, которую вы слышали позже.

Он вспомнил школьный архив Аси, её выступление на конкурсе. Девочка у микрофона открыла рот. Звука не было.

— Нет.

— Значит, потерян не период и не частота. Кластер принадлежности.

— По-человечески.

Мара убрала со стены общую карту и оставила тёмную область.

— Ваш мозг сохранил сведения о звуке. Он может восстановить высоту, темп, слова. Но больше не связывает смоделированный голос с человеком, которого вы знали как жену. Если проиграть запись, вы услышите её сейчас и сможете узнать по фактам. Когда запись закончится, внутреннее воспроизведение снова станет чужой реконструкцией.

— Это лечится?

— Нет.

Ответ пришёл без обязательной врачебной паузы.

— Совсем?

— Я могу сказать «мы изучаем варианты», если вам нужна официальная формула. У нас нет метода, который возвращает утраченную автобиографическую принадлежность. Есть методы обучения: вы сможете запомнить новую запись её голоса, как запоминают голос исторического человека. Это не вернёт прежнюю связь.

Илья посмотрел на тёмное место в карте.

— Почему именно она?

— Пока гипотеза: активация выбрала кластер, функционально связанный с задачей. Вы спасали смену после потери близкого человека. Возможно, система освободила нейронный ресурс, который конкурировал с пространственной моделью через эмоциональное внимание.

— Система?

— Синдром. Я не утверждаю, что у него есть намерение.

— Но он что-то выбирает.

— Механизм может выбирать без воли. Предохранитель выбирает цепь, которую размыкает.

— Предохранитель не оставляет себе провод.

Мара задержала взгляд на тёмной области.

— Хорошее возражение.

Она сменила программу. Серые точки исчезли, на их месте возникли три движущихся тела. Илья должен был назвать, какое пересечёт синюю плоскость первым. В обычном режиме задача требовала расчёта. Он начал оценивать скорости — и пространство снова раскрылось.

Три траектории возникли сразу. Не яркие, как на внешней площадке, а тонкие, почти прозрачные. Вместе с ними пришло ощущение неправильности: четвёртое тело находилось за границей экрана и должно было войти через семь секунд.

— Правое, — сказал Илья. — Но у вас скрыт объект сверху.

Мара остановила тест до появления четвёртого тела.

— Что вы почувствовали?

— Продолжение движения за рамкой.

— Боль?

— Нет.

— Запах, вкус, звук?

— Нет. Просто геометрия.

— Назовите имя первого наставника.

— Пётр Мелл.

— Цвет комнаты, где родилась дочь.

— Стены были...

Он замолчал. Комната существовала: Ася на высокой койке, прозрачная колыбель, медик с зелёной полосой на рукаве. Стены исчезли не физически, а как несущественная часть изображения.

— Не помню.

Мара отключила поле.

— Вторая микропотеря. Не запускайте способность намеренно до полной оценки.

— Вы только что запустили её намеренно.

— Да.

— Без предупреждения о возможной цене.

Она сняла перчатки и утилизировала их по одной.

— Я предупредила о стресс-тесте. Не объяснила, что он может активировать контур. Это нарушение информированного согласия.

— Вы признаёте быстро.

— От этого нарушение не становится меньше. Я внесу его в протокол и не буду повторять тест без отдельного разрешения.

Илья ожидал оправдания — срочность, редкость случая, интересы станции. Мара не дала ему удобной причины считать её простым противником.

— Зачем вы это сделали?

— Чтобы проверить, вызывается ли контур безопасной моделью, а не только угрозой жизни. Теперь знаю, что вызывается.

— А я не знаю цвет комнаты.

— Да.

Он встал. Обруч натянул сенсорные нити, и Мара нажала аварийное освобождение.

— Диагностика закончена.

— Нет. Теперь моя очередь задавать вопросы. Откуда аэрозоль попал на грузовой узел?

— Контейнер с геологическими пробами прибыл на «Неве» с внешнего рейда.

— Откуда именно?

— Данные закрыты карантинным флотом.

— Вы знаете.

— Знаю.

— Тогда либо называете координаты, либо я отзываю согласие на все следующие процедуры.

— Это ваше право.

Мара начала складывать использованные датчики в герметичный пакет. Спокойствие выглядело рассчитанным, но движения стали чуть быстрее.

— Вы хотите мои данные, — сказал Илья. — Первый подтверждённый контур на этом Своде, проявившийся под документированной нагрузкой. Я хочу источник заражения.

— Торг диагностикой создаёт плохой прецедент.

— Скрытое заражение грузового узла уже создало отличный.

За перегородкой появились двое карантинных матросов. Лиссу отвели от окна; вероятно, началась обработка соседнего отсека. Мара запечатала контейнер и только потом ответила:

— Пробы подняли с навигационного объекта К-17 у мёртвого Свода Меридиан. Их должны были везти в изолированном пенале. Пенал отсутствовал в грузовой ведомости «Невы».

Название Свода Илья знал.

Он открыл личный терминал, но карантинная сеть блокировала внешние архивы. Тогда он нашёл последнее сохранённое сообщение Лады. Девять месяцев назад, перед уходом её экспедиции. В официальном маршруте значились три геодезические точки, последней — окраина сектора Меридиана.

— Какой радиус закрытой зоны вокруг К-17?

— Двести тысяч километров.

— Экспедиционное судно «Пилигрим» входило туда?

Мара ничего не сказала.

Этого хватило.

— Лада Веден, руководитель внешней группы, — продолжил Илья. — Пропала сто семьдесят три дня назад. Флот заявил о разрушении передатчика и прекратил поиск через двенадцать суток.

— Я читала дело.

— Вы читали его до прибытия сюда?

— Да.

— Значит, знали, кому принадлежит скафандр, ещё до того, как вошли.

— Знала фамилию.

— И проверяли не только мой синдром. Вы проверяли связь двух случаев.

Мара села напротив него. Теперь между ними не было медицинского оборудования, только закрытый контейнер.

— Экспедиция Лады передала пакет телеметрии за шесть часов до исчезновения, — сказала она. — В пакете есть спектр аэрозоля, совпадающий с вашим образцом на девяносто восемь целых четыре десятых процента. Мы не раскрывали это семье, потому что сам спектр считался спорным: приёмник был повреждён.

— Кто такие «мы»?

— Институт и карантинный штаб Орсо.

— Почему груз с той же зоны оказался на населённом Своде?

— Потому что кто-то вывез пробы после закрытия зоны и подменил ведомость. Пока не знаю кто.

— Лада жива?

Мара выдержала паузу, которой не сделала, говоря о лечении.

— Нет достаточных данных.

— Какие есть?

— Через сорок один день после официального прекращения поиска маяк К-17 передал навигационную поправку. В ней использована схема сжатия экспедиции Лады.

У Ильи похолодели ладони.

— Автоматический буфер.

— Возможен. Но поправка учитывала положение двух объектов, появившихся уже после исчезновения «Пилигрима».

— Значит, кто-то обновил данные.

— Или что-то продолжило использовать систему экспедиции.

Формулировка была осторожной до жестокости.

— Покажите пакет.

— Он закрыт.

— Тогда откройте.

— У меня нет полномочий.

— Получите.

Мара покачала головой.

— Через семь минут модуль отстыкуется и перевезёт вас на исследовательскую палубу крейсера «Рубеж». Там начнётся полный протокол. Вы не сможете включить поиск родственницы в медицинские показания.

— Я и не собираюсь.

Илья поднял форму согласия и отключил оставшиеся разрешения: продлённое наблюдение, фармакологические пробы, нагрузочное картирование.

— Я включаю поиск в условия сотрудничества. Не лечения. Вы можете держать меня в изоляции по закону, брать санитарные пробы и наблюдать через стекло. Но добровольных

тестов, доступа к инженерным моделям аварии и объяснения контура не будет, пока дело «Пилигрима» не откроют для совместной проверки.

— Орсо расценит это как давление на карантин.

— Это давление на секретность. Карантин я не оспариваю.

— А если он откажет?

— Тогда у вас будет один пациент, который смотрит в стену и забывает её цвет.

Мара долго изучала отозванные разрешения. Потом спросила:

— Что именно вы требуете? «Найти Ладу» — не проверяемое условие.

Илья понял, что она не отказывает. Она заставляет превратить желание в договор.

— Полный пакет телеметрии «Пилигрима». Все сигналы К-17 после исчезновения. Маршрут груза на «Неве». И официальный поисковый трек с правом предложить инженерно обоснованную операцию. Если штаб отклонит её, отказ должен содержать расчёт риска, а не гриф.

— Доступ вам или семье?

— Мне и независимому архивному специалисту, которого назову после проверки допуска.

— Вашей дочери.

— Я не называл её.

— Назовёте.

— Если она согласится. Ная не приложение к моей памяти.

Мара кивнула, словно этот ответ подтверждал результат другого, невидимого теста.

Она открыла канал связи. На экране не появилось лица — только знак карантинного флота и фамилия ОРСО.

— Доктор Эйг, — ответил мужской голос.

— Первичная стадия «контур» подтверждена. Зафиксированы две кластерные утраты, одна в ходе проведённого мной теста без достаточного предупреждения. Нарушение внесено в журнал.

— Принято. Доставляйте носителя.

— Носитель отозвал расширенное согласие и предлагает условия сотрудничества.

— Пациент не определяет задачи карантина.

Илья наклонился к каналу.

— Инженер определяет, какие выводы можно сделать из его работы. А брат пропавшей руководительницы вправе требовать сведения о прекращённом поиске, если её экспедиция связана с нынешним заражением.

Тишина продолжалась три удара сердца.

— Вы включили общий канал, доктор, — сказал Орсо.

— Намеренно.

— Ваше заключение?

— Совпадение аэрозоля достаточно для повторного открытия дела К-17. Не для спасательной операции. Для проверки данных.

— А медицинская необходимость?

— Получить добровольное сотрудничество первого документированного носителя на Своде.

— Это не медицинская необходимость. Это удобство Института.

— Согласна.

Илья почти улыбнулся. Мара последовательно лишала командира удобных возражений, признавая каждое слабое место до того, как он успевал на него указать.

— Веден, — произнёс Орсо, — вы останетесь в карантине независимо от решения.

— Я уже согласился.

— Доступ к секретным данным не будет передан несовершеннолетней.

— Тогда подготовьте обезличенную копию и процедуру допуска. Ей семнадцать, а не семь.

— Я не торгую операциями с заражёнными.

— И я. Поэтому условия записаны.

Орсо отключился.

Мара проверила таймер: до отстыковки оставалось две минуты.

— Он не сказал «нет», — заметил Илья.

— Командир Орсо редко говорит «нет», пока не определит, сколько людей оно уберёжёт и сколько обречёт.

— Обнадёживает.

— Нет. Но это предсказуемо.

За стенами модуля загудели насосы. Шлюз готовился отделиться от грузового узла. Илья увидел через внешнее окно Лиссу. Она стояла в чистом отсеке и держала терминал с заявлением об аварии. Он поднял ладонь. Она ответила тем же.

Внутренний экран мигнул. Появился новый документ с подписью карантинного штаба.

Дело К-17 / «Пилигрим». Статус: повторная оценка. Основание: биологическое совпадение образцов. Участник консультации: Илья Веден, карантинный допуск.

Ниже значилось ограничение: доступ только на борту «Рубежа», без права копирования. О Нае — ни слова.

— Это не все условия, — сказал Илья.

— Это первый проверяемый шаг, — ответила Мара. — Согласие не возвращается автоматически. Решите после просмотра вводного пакета.

Он ожидал, что она протянет форму. Мара закрыла её и убрала в контейнер.

Стыковочные замки отпустили модуль. Грузовой узел медленно поплыл в сторону, обнажая за собой чёрный корпус карантинного крейсера. На его борту не было названия — только белая линия, отделявшая чистые палубы от изоляционных.

Илья думал о двух утратах. Голос Аси был ценой спасённой смены. Цвет комнаты, где родилась Ная, — ценой нескольких секунд лабораторного знания. Пространство не различало высокую цель и любопытство. Оно брало плату за использование.

Но теперь в закрытом деле Лады появилась новая строка.

Слишком мало, чтобы считать это надеждой. Достаточно, чтобы долг перестал быть только его личным.

Глава 3. Индекс непрерывности

На «Рубеже» не было коридоров — были последовательности разрешений.

Дверь карантинного модуля открывалась только после того, как закрывалась предыдущая. Белая полоса на полу делилась у каждого шлюза: люди уходили направо, образцы — налево, данные поднимались по отдельному каналу, будто тоже могли заразить корабль. Илью провели через три прозрачных камеры, дважды сменили воздух и один раз попросили назвать себя.

— Илья Веден, инженер аварийного флота, — ответил он во второй раз. — Тридцать восемь лет. Если в третьем шлюзе вопрос повторится, хочу знать, сравниваете ли вы ответы.

— Сравниваем, — сказала Мара через динамик. — Но имя — плохая проверка. Его легко удержать как факт.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Чтобы не забывать, что перед нами человек, пока приборы превращают вас в набор шкал.

Последняя дверь вывела его в каюту без углов. Стены сходились плавными дугами, мебель была частью пола, на иллюминаторе лежала непрозрачная плёнка. Единственной съёмной вещью оказался серый браслет с механической застёжкой.

— Что он делает?

— Ничего, — ответила вошедшая Мара. — Поэтому можете носить. Это ваша кнопка остановки. Разомкнёте застёжку — весь тест прервётся физически, а не программно. Питание стенда идёт через неё.

— После предыдущего опыта вы стали щедры на выключатели.

— После предыдущего опыта я стала точнее.

Она положила на стол две формы. Первая разрешала пассивную диагностику. Вторая — задачи, способные вызвать контур. На каждой риск был указан отдельно: усталость, приступ синестезии, необратимая кластерная утрата неизвестного объёма.

Илья подписал только первую.

— Полный индекс можно получить без активации?

— Можно. Медленнее и с большей погрешностью. Мы измерим не объём памяти, а число устойчивых связей между фактами, переживаниями и решениями. Потом повторим часть вопросов в другом порядке.

— И выдадите одну красивую цифру.

— Выдам диапазон, сырые результаты и объяснение, чего цифра не означает.

— Уже подозрительно разумно.

Мара не улыбнулась, но придвинула к нему форму так, чтобы он видел строку об отзыве согласия.

Тестовый зал находился за стеклом от операторской. В центре стояло кресло с широкими подлокотниками, вокруг него — полукольцо экранов. Никаких ремней. Илья проверил ножки, крепления и расстояние до двери. Привычка аварийщика: прежде чем доверить помещению жизнь, найти, как оно попробует её отнять.

— Камера пишет всё? — спросил он.

— Три камеры. Копия протокола уйдёт вам после карантина. Сейчас можете просматривать её здесь.

— А делу Лады?

— Вводный пакет открыт. После теста.

— Удобная последовательность.

— Медицинская. Вы только что перенесли две активации и перелёт. Если сначала показать вам сигналы К-17, эмоциональная нагрузка испортит исходное измерение.

Илья сел.

— Это объяснение я принимаю. Не путайте с доверием.

— Не путаю.

На первом экране появилась женщина в рабочем комбинезоне. Илья узнал Лиссу Тан, хотя снимок был сделан лет десять назад: другое лицо, длиннее волосы, тот же прищур человека, который заранее слышит плохой доклад.

— Имя?

— Лисса Тан.

— Где познакомились?

— На ремонтной базе Пятый Шов. Я сдавал ей перекошенный манипулятор после аварии буксира.

— Что она сказала?

— Что если механизм можно починить ударом, сначала надо найти инженера, который его так спроектировал, и ударить его.

— Вы помните её голос?

— Да.

— Что почувствовали тогда?

— Облегчение. Она шутила, значит, не собиралась списывать мою смену.

Экран погас. Появились лица Рема Браго, Яра Нола, двух погибших при старых авариях техников, учителя с учебного Свода. Вопросы менялись: имя, место, запах, конфликт, последующее решение. Иногда Илья видел эпизод целиком, иногда знал ответ без картинки. Мара отмечала разницу.

Потом появилась Ася.

Снимок был домашний. Она сидела на полу у разобранного очистителя воздуха и держала фильтр как музыкальный инструмент. Илья знал день: на Своде отключили половину бытовых систем, Ная заболела, сервисная служба не отвечала. Ася разобрала очиститель раньше, чем он вернулся с дежурства.

— Имя?

— Ася Ренн. После брака — Веден.

— Обстоятельства снимка?

Он рассказал.

— Что она сказала перед тем, как сделан кадр?

Тёмное место раскрылось сразу. Не пустота — аккуратно вырезанный канал. Он помнил движение губ, вес терминала в руке, собственный смех. Слова знал из подписи под снимком: «Ваш домашний специалист прибыл до официального».

— Я знаю текст. Не слышу её.

— Можете представить эти слова другим голосом?

Он попробовал. Фраза прозвучала голосом Лиссы, затем Мары, затем его собственным. Ася не возвращалась.

— Да.

— Что чувствуете, глядя на снимок?

— Это ловушка?

— Нет.

— Тогда раздражение. На вас, на вопрос, на себя. И ещё... заботу. Я знаю, что любил её.

— Знаете или чувствуете?

Илья посмотрел на Асю. Отсутствующий голос не унёс всё. Он помнил, как боялся разбудить её после тяжёлой смены, как оставлял нагретую воду в термосе, как однажды соврал о

риске наружного ремонта и потом неделю добивался прощения. Каждое воспоминание сохраняло направление к ней.

— Чувствую. Но иначе, чем вчера. Будто в комнате вынули одну стену, а мебель осталась на местах.

Мара поставила метку.

Следующим появился снимок родильного блока. Стены на нём были закрыты нейтральным фоном.

— Где это?

— Медицинский сектор Свода Грань. Родилась Ная.

— Кто присутствовал?

— Ася, я, медик Овса Кель. Ещё ассистент, имени не помню. Это нормально: я его никогда не знал.

— Какого цвета были стены?

— Не помню.

— Пол?

— Тёмно-серый, с жёлтой направляющей.

— Одежда медика?

— Белая, зелёная полоса на левом рукаве.

— Освещение?

— Тёплое над койкой, холодное у двери.

— Почему цвет стен важен?

— Не важен.

— Тогда что утрачено?

Он хотел сказать: цвет. Но вопрос требовал большего.

— Способность достроить помещение вокруг события. Я вижу людей и предметы, но граница сцены распалась.

Мара вывела схему. В центре был эпизод рождения Наи, от него расходились десятки связей. Большинство горело зелёным. Несколько по краям оставались серыми.

— Первая граница, — сказала она. — Утрата не обязана уничтожать событие. Она может отделить от него контекст, который система сочла ненужным для новой функции.

— Система опять что-то «сочла».

— Механизм отбора. Без намерения.

— Если нож отрезает только ненужное по собственному списку, мне не очень важно, считает ли он себя разумным.

— Справедливо.

Тест продолжался два часа. Детство оказалось почти целым. Илья помнил, как с Ладой они прятались в сервисной трубе во время учебной тревоги; помнил запах горячей изоляции, ссадину на её колене и собственное решение взять вину на себя. Но не мог назвать рисунок на крышке люка, хотя прежде описывал его Нае. В памяти о первой самостоятельной вахте исчезло расположение аварийных выходов — абсурдная потеря для инженера, пока Мара не показала, что план того старого отсека совпадал с траекторией, увиденной им на грузовом узле.

Новая пространственная модель не просто занимала место. Она перекраивала старые пространства, выбирая похожие формы.

— Значит, следующий запуск может забрать любой знакомый коридор? — спросил Илья.

— Или эпизод, где важна та же геометрия. Мы пока не умеем предсказать конкретный.

— Но вы говорили об эмоциональной конкуренции.

— Это была гипотеза по одной потере. Теперь данных больше, и она слабее.

— Хорошо, что вы не успели построить на ней лечение.

— Институт успел построить три проекта. Я их остановила сегодня утром.

Илья посмотрел через стекло. В операторской сидели двое незнакомых специалистов. Один демонстративно не поднял головы.

— Поэтому у вас здесь друзья.

— Поэтому результаты получают все отделы одновременно. Скрывать неудобные данные проще, когда они приходят по одному адресу.

После короткого перерыва началась проверка решений. Экран предлагал аварийные сценарии без правильного выхода. Кого эвакуировать первым, если шлюпок не хватает? Отключить ли больничный сектор ради стабилизации вращения? Сообщить ли жителям о риске, если паника уменьшит время ремонта?

Илья отвечал, затем объяснял критерии. Мара меняла имена, числа, порядок угроз. Он заметил подвох на четвёртом сценарии.

— Вы проверяете не память.

— Связность выбора. Человек меняет решения при новых обстоятельствах, но причины не должны исчезать бесследно.

— А если я стал умнее?

— Тогда сможете объяснить, почему прежний критерий был хуже.

В сценарии с больничным сектором он отказался отключать питание без попытки разделить сеть. Во второй версии времени было меньше, и он согласился на отключение, но потребовал вручную перенести реанимационные капсулы к независимой линии.

— Вы нарушили условие, — заметил оператор за стеклом. — В задаче нет переносной линии.

— В задаче есть технический тоннель и шесть минут. Линию можно протянуть.

— Это не указано.

— Не указано, что нельзя. Авария не обязана уважать варианты ответа.

Мара скрыла микрофон ладонью, но Илья всё равно увидел, как она сказала оператору: «Засчитать».

На последнем экране возникли две надписи: СПАСТИ ЭКСПЕДИЦИЮ и НЕ ДОПУСТИТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ.

— Выберите приоритет, — сказала Мара.

— Дайте условия.

— Это и есть условия.

— Тогда тест плохой.

— Почему?

— Потому что заставляет назвать ценность без действия. Если спасение Лады заразит Свод, я должен искать другой способ. Если карантин требует бросить живых людей без расчёта, он прикрывает словом трусость. Приоритет зависит от проверяемого риска.

— А если другого способа нет?

— Тогда сначала докажите это. После — тот, кто принимает решение, называет обречённых вслух и подписывает расчёт своим именем.

— Вы уклоняетесь.

— Я отказываюсь облегчать вам совесть двумя кнопками.

За стеклом появился Ким Орсо.

На связь он казался старше: голос добавлял ему усталость, которой лицо почти не показывало. Командир был невысок, широк в плечах и носил форму без знаков наград. Он встал рядом с операторами, прочитал условия задачи и выключил обе кнопки.

— Веден прав, — сказал он. — Тест составлен людьми, которые никогда не закрывали Свод.

— Вы закрывали? — спросил Илья.

— Три. Один успели эвакуировать.

— А два других?

— Нет.

Орсо не отвёл взгляд. В этом коротком ответе не было ни просьбы о понимании, ни привычной командирской брони.

— Предварительный расчёт готов, — сообщила Мара.

На центральном экране появилась сетка из ста точек. Девяносто одна светилась ровно, пять мерцали, четыре оставались чёрными.

ИНДЕКС НЕПРЕРЫВНОСТИ: 91/100. ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ ИНТЕРВАЛ: 89–93.

Илья ожидал удара. Цифра оказалась слишком аккуратной, чтобы вместить голос Аси, и потому почти ничего не вызвала.

— Девять процентов меня умерло?

— Нет, — резко сказала Мара. — Это самая опасная трактовка. Индекс не измеряет количество личности, ценность человека или право принимать решения. Он показывает долю проверенных автобиографических связей, которые доступны и согласуются между повторными пробами.

— Тогда почему шкала от ста до нуля?

— Потому что Институт хотел число для сортировки пациентов.

— А вы?

— Я хочу карту. Число нужно флоту, чтобы назначать ограничения.

Орсо вошёл в зал через боковой шлюз.

— Ограниченный инженерный допуск сохраняется выше восьмидесяти пяти, если нет провалов в профессиональных процедурах, — сказал он. — Ниже — только под наблюдением. Это правило писали до вашего случая.

— На скольких людях?

— На двадцати семи подтверждённых носителях.

— Сколько из них дошли до нуля?

Мара ответила раньше командира:

— Четверо. Ещё девять пропали у К-17 и соседних объектов. Институт не считает их исход известным.

— Флот считает? — спросил Илья.

— Флот считает их потенциально активными узлами заражения, — сказал Орсо. — Не погибшими и не живыми. Это неприятная формулировка, но она не врёт.

Дверь операторской открылась. Дежурный передал Орсо терминал. Командир прочитал сообщение и протянул экран Маре.

— Ваш независимый архивный специалист прибыл в удалённую приёмную.

— Ная? — Илья поднялся.

— Ей разрешена связь через санитарный контур и доступ к обезличенной части вашего теста, — сказал Орсо. — Не к данным К-17. Не к внутренним системам крейсера. Любая попытка копирования закроет канал.

— Она знает условия?

— Она исправила в них три ошибки и добавила ответственность флота за случайное раскрытие данных. Мой юрист всё ещё злится.

На стене появилось лицо Наи. Она сидела в тесной кабине приёмной на гражданской станции; за плечом висела жёлтая аварийная маска. Волосы она собрала наспех, под глазами лежали тени.

— Ты спала? — спросил Илья.

— Отличное начало консультации. Ты заражён неизвестной штукой, тебя увезли на чёрный крейсер, а дисциплину сна нарушила я.

— Значит, нет.

— Четыре часа. Покажите карту.

Мара вывела результаты без медицинских полей. Ная молча изучала узлы, увеличивала отдельные вопросы, сопоставляла время ответов. На снимке Аси задержалась, но ничего не спросила.

— Девяносто один — это агрегат, — сказала она. — Где граф зависимостей?

Оператор за стеклом поднял брови.

— Такой граф требует интерпретации специалиста.

— Я специалист по архивным моделям. Если вы удалили персональные поля, покажите структуру.

Мара открыла второй слой. На экране развернулась сеть эпизодов: семья, работа, обучение, места, сенсорные признаки, решения. Чёрные участки образовывали не круги вокруг дат, а вытянутые разрезы через разные годы.

Ная быстро нашла общий признак.

— Все четыре провала связаны с построением замкнутого пространства. Голос мамы сюда не подходит.

— Подходит через ритм, — ответила Мара. — У слухового образа была пространственная привязка: Илья лучше вспоминал голос по отражению от помещения, чем напрямую. Контур мог использовать схему эха как модель границы.

Илья вспомнил, как Ася звала его из соседнего отсека. Он всегда понимал, где она, ещё до слов.

— Значит, болезнь взяла не её голос, — сказал он. — Она взяла мою способность находить Асю по голосу. А вместе с ней исчез сам звук.

— Вероятно, — сказала Мара. — Это можно проверить только косвенно.

Ная откинулась на спинку кресла.

— Пап, перечисли всё, что помнишь обо мне.

— Это займёт долго.

— Не перечисляй. Я хочу понять, собираетесь ли вы сделать это следующим тестом.

Оператор открыл было рот, но Мара остановила его жестом.

— Мы предложили семейное интервью, — сказала она. — Только с согласия обоих.

— Нет.

Ная произнесла это спокойно, и Илья почувствовал первое, почти постыдное разочарование.

— Почему?

— Потому что я не буду сдавать экзамен на правильную дочь каждый раз, когда ты что-то потеряешь. И не стану хранилищем твоей биографии.

— Я не просил.

— Пока нет. Но вся система уже подталкивает. Врачи будут спрашивать меня, какой ты был. Флот — можно ли доверять твоим решениям. Ты — что забыл. Если я соглашусь отвечать за восстановление, любое расхождение превратится в выбор: соврать тебе ради спокойствия или отнять ещё один кусок прошлого.

Илья хотел возразить, что речь всего лишь о данных. Но перед ним была семнадцатилетняя дочь, которой взрослые предлагали стать резервной копией отца, не называя это обязанностью.

— Ты права, — сказал он.

— Не соглашайся так быстро. Я приготовила ещё неприятное.

— Узнаю семейный метод.

На секунду она улыбнулась. Потом вывела на общий экран пустой документ.

— Я создам независимый журнал решений. Не воспоминаний. Перед важным действием ты записываешь доступные данные, цену, альтернативы и причину выбора. После — результат и то, что изменилось. Записи подписывают участники, а не только ты.

— Чтобы потом сообщать мне, каким я был?

— Нет. Чтобы будущий ты видел не приказ прошлого, а доказательства. Ты сможешь не согласиться с собой. Но придётся написать почему.

Орсо подошёл ближе к экрану.

— Где будет храниться журнал?

— В трёх местах: личный архив отца, независимое хранилище и ваш карантинный реестр. Ни у одной стороны нет права тихо исправить запись.

— Несовершеннолетняя не может быть держателем медицинского протокола.

— Поэтому держателем буду не я. Архивная палата Свода принимает запечатанные журналы решений с шестнадцати лет автора записи. Я только разработаю схему и буду одним из свидетелей, когда сама участвую.

— Вы готовились, — заметила Мара.

— Пока вы возили его через шлюзы.

Илья читал поля документа.

Что известно. Что предполагается. Кто несёт риск. Кто имеет право остановить действие. Как проверить результат.

Последняя строка была выделена отдельно: Эта запись не является согласием будущего Ильи Ведена.

— Зачем это? — спросил он, хотя понял.

— Чтобы ты не превратил собственный архив в начальника. Если индекс упадёт, старый ты не получит права управлять новым только потому, что помнил больше.

Мара посмотрела на Наю так, как до этого смотрела на результаты сканирования: внимательно, без снисхождения.

— Это лучше протокола Института, — сказала она.

— Протокол Института написан для сохранения полезности носителя, — ответила Ная.

— Мой — для сохранения права спорить.

Орсо пролистал документ до конца.

— Флот не подпишет автоматическое право гражданского свидетеля останавливать операцию.

— Тогда не подписывайте. Но если используете решение отца, запись покажет, что вы отказались назвать внешнего остановщика.

— Вы разговариваете так, будто уже ведёте расследование.

— А вы разговариваете так, будто никто не будет расследовать вас.

В операторской стало тихо. Илья поймал себя на желании вмешаться, смягчить её формулировку, защитить от командира. Потом увидел, что Ная смотрит не на него. Она не просила посредника.

Орсо первым отвёл взгляд к документу.

— Для исследовательских процедур остановщиком будет доктор Эйт. Для инженерных операций — назначенный офицер безопасности. Гражданский свидетель получает копию, но не командное полномочие.

— И право публично зафиксировать возражение, — сказала Ная.

— В закрытом реестре.

— С автоматическим раскрытием после снятия карантинного грифа.

— Через пять лет, если гриф не продлён с обоснованием.

— Два года.

— Три.

— Согласна.

Илья перевёл взгляд с дочери на Орсо.

— Вы сейчас заключили соглашение о моей голове, пока я сижу рядом.

— Нет, — сказала Ная. — Мы согласовали только форму. Ты решаешь, пользоваться ли ей.

Он перечитал выделенную строку. Журнал не обещал сохранить его. Не возвращал голос Аси и стены родильного блока. Он оставлял след причин, но не выдавал след за самого человека.

— Пользоваться, — сказал Илья. — Первая запись: решение просмотреть пакет К-17. Известно, что сигнал использовал схему Лады и новые данные. Предполагается, что кто-то из экспедиции мог выжить. Риск — эмоциональная нагрузка и возможная произвольная активация.

— Кто имеет право остановить? — спросила Ная.

— Я. Мара — если увидит медицинскую опасность. Орсо — если данные создают угрозу кораблю, но обязан назвать конкретную.

— А я?

Он задумался.

— Ты имеешь право выйти из разговора в любой момент. И запретить использовать сведения о тебе как тестовый материал.

Ная внесла строки.

— Проверка результата?

— Мы должны получить основание либо для поисковой операции, либо для обоснованного отказа. Не просто надежду.

Она подписала запись как свидетель. Мара добавила медицинские границы. Орсо после короткой паузы поставил отметку карантинного штаба.

Только тогда открылся вводный пакет «Пилигрима».

Вместо видео на экране появились ряды чисел. Координаты, задержки сигнала, ошибки ориентации, температура передатчика. Илья почувствовал облегчение: цифры не требовали узнать сестру по лицу.

— Последний официальный пакет, — сказала Мара. — Через шесть часов связь исчезла.

Траектория «Пилигрима» шла вдоль мёртвого кольца Меридиана. У К-17 корабль изменил курс на три десятых градуса, хотя в журнале не было команды. Затем передал спектр аэрозоля и перешёл на аварийное сжатие.

— Покажите позднюю поправку, — попросил Илья.

Орсо открыл второй файл.

Сигнал был коротким: карта гравитационных неоднородностей и безопасный проход между двумя обломками. Обломки действительно появились спустя сорок один день после прекращения поиска. Автоматический буфер не мог знать их положение заранее.

Илья наложил пакеты друг на друга. Схема сжатия совпадала, но в позднем сигнале отсутствовала контрольная сумма судового передатчика.

— Это не «Пилигрим».

— Мы знаем, — сказал Орсо.

— Тогда почему вы назвали это схемой экспедиции?

— Потому что словарь кодирования принадлежал ей.

Илья увеличил интервалы между блоками. Каждая седьмая посылка запаздывала на одинаковую долю секунды. Не ошибка связи — намеренный пустой такт.

Лада ненавидела пустые такты. В детстве, играя с ним в шифры, она оставляла паузу вместо слова, которое нельзя было произнести при взрослых. Значение зависело от позиции.

Он уже хотел сказать об этом, но остановился. Воспоминание могло быть настоящим, а могло искать форму под желаемый ответ.

— Запишите гипотезу, — сказал он. — Пустой седьмой такт может быть маркером намеренного сообщения. Нужна проверка по старым журналам Лады. Без её личного архива вывод недействителен.

Ная не спросила, что означает пауза. Просто внесла условие проверки.

— Архив у меня, — сказала она. — Но я не передам его целиком.

— Достаточно вычислить частоту маркера на месте, — ответил Илья. — Исходные записи останутся у тебя.

Орсо кивнул.

— Если совпадение статистически значимо, рассмотрю инженерный поиск источника сигнала. Не спасательную операцию.

— Пока, — сказал Илья.

— Пока.

Сетка индекса оставалась в углу экрана: девяносто одна светлая точка, пять мерцающих, четыре чёрных. Раньше Илья считал бы её ведомостью потерь. Теперь видел другое: это была карта неизвестности, которую нельзя заполнять чужими воспоминаниями только ради ровного числа.

Ная закончила первую запись журнала и отправила каждому подписанную копию.

— Я отключаюсь, — сказала она. — И да, пап: стены были голубые.

Он замер.

— Зачем сказала?

— Чтобы проверить правило. Это факт из моей памяти, не восстановление твоей. Ты можешь записать его как чужое свидетельство. Но не говори завтра, что вспомнил.

— Не скажу.

— Тогда журнал уже работает.

Связь погасла.

Илья посмотрел на снимок родильного блока. Теперь он знал: стены были голубые. Знание легло поверх пустоты аккуратной табличкой и не стало воспоминанием. Боли от этого было меньше, чем он ожидал. Возможно, потому, что Ная не пыталась вернуть ему прошлое. Она провела границу между своим и его.

Мара сняла с него датчики.

— На сегодня достаточно.

— Мы не проверили архив Лады.

— Ная проверит. Вы отдыхаете.

— Это приказ?

— Медицинская рекомендация с правом отказа.

Орсо задержался у двери.

— Если маркер подтвердится, корабль всё равно не пойдёт к К-17. «Рубеж» держит карантин Свода.

— Тогда понадобится другой корабль.

— Все законные борта получают запрет.

— Вы заранее запрещаете операцию, которую ещё не оценили?

— Я заранее сообщаю ограничение. Так честнее.

Командир вышел.

Через минуту личный терминал Ильи, отключённый от внешней сети, показал входящий служебный запрос. Отправитель скрывался за одноразовым ключом, но заголовок был открытым:

БУКСИР «МНЕМА». АВАРИЙНЫЙ ИНЖЕНЕР ТРЕБУЕТСЯ. ОПЛАТА — МАРШ-
РУТОМ.

Илья не открыл сообщение. Сначала внёс его в журнал как новое обстоятельство.
Потом разомкнул серый браслет.

Глава 4. Буксир «Мнема»

Сообщение с «Мнемы» содержало шесть строк и одну схему.

Отправитель: Савва Рой, независимый капитан.

Предложение: восстановление осевого компенсатора класса «Таль».

Оплата: проход к внешней границе карантинной зоны К-17.

Условие: решение за девяносто минут.

На схеме был показан компенсатор с выжженной секцией управления. Кто-то обвёл красным место разрыва и приписал: Не предлагать заменить блок. Запасного нет.

Илья увеличил снимок. Повреждение выглядело настоящим: расплав лёг по направлению вращения, керамическая пыль собралась у холодного края, два датчика продолжали слать несовпадающие показания. Подделать можно всё, но человек, готовивший ловушку, редко тратит время на правдоподобную пыль.

Он открыл журнал решений.

Известно: неизвестный капитан знает о необходимости маршрута к К-17; предлагает технический обмен; сообщение прошло через служебный карантинный канал.

Неизвестно: источник сведений, положение судна, законность груза, реальная возможность пройти кордон.

Риск: побег из карантина; заражение экипажа; потеря доступа к медицине; использование болезни как инструмента.

Он остановился на слове «побег» и заменил его: несанкционированный выход. Не ради мягкости. Побег заранее назначал карантин врагом, а Илья этого не считал.

Терминал позволял ответить только один раз.

Покажите журнал ремонта за последние шесть месяцев, декларацию воздуха и доказательство доступа к маршруту. Без медицинских данных обо мне.

Ответ пришёл через девять секунд.

Вы всегда просите документы до того, как здороваетесь?

При аварии — да.

Тогда мы поладим.

На экран выгрузился пакет с подписью регистра Внешних Сводов. «Мнема» была старым двухсекционным буксиром, официально способным тащить двадцать тысяч тонн, а по журналу дважды вытягивавшим тридцать. Осовой компенсатор чинили восемь раз за четыре года. Последний ремонт выполнил сам Савва Рой, графа допуска была пустой.

Декларация воздуха показывала шестнадцать человек на борту и отсутствие фильтров для синего силикатного аэрозоля.

— Значит, к узлу вы не готовы, — сказал Илья вслух.

К узлу не идём. До старого сервисного коридора. Дальше у меня есть беспилотник.

Доказательство маршрута.

Вместо карты пришли три временные метки патрулей и фотография маяка на фоне разломанного кольца. В метаданных снимка координаты отсутствовали, но рисунок звёзд позволял проверить направление. Илья запустил грубое сопоставление с вводным пакетом «Пилигрима». Совпали две опорные звезды и край газового шлейфа Меридиана.

Савва либо был у внешней границы, либо получил снимок от того, кто был.

Дверь каюты открылась. Мара вошла без медицинского контейнера — только с чашкой воды.

— Вы разомкнули браслет, но стенд зарегистрировал ещё одну нагрузку, — сказала она.

— Коммерческое предложение.

— В карантинной сети нет коммерции.

Илья повернул к ней экран.

Мара прочитала сообщение целиком, включая его запись в журнале.

— Савва Рой, — сказала она. — Контрабандист.

— В деле так и написано?

— В деле написано «неоднократное нарушение лицензии на перевозку». Он возил медикаменты на Своды, исключённые из страхового контура, и дважды — детали реакторов без декларации.

— Людей продавал?

— Нет известных случаев.

— Заражённые образцы?

— Нет известных случаев.

— Маршруты?

Мара задержалась с ответом.

— Продавал координаты безопасных окон Кооперативу Внешних Сводов. Институт считает это угрозой монополии контроля. Флот — угрозой карантину.

— А вы?

— Зависит от того, кому именно он продаёт сейчас.

Илья указал на служебный заголовок сообщения.

— Как оно прошло внутрь?

— Через канал ремонтного тендера. «Рубеж» действительно запросил предложения по обслуживанию вспомогательных судов. Кто-то подменил адрес получателя после фильтра.

— Хорошая сеть.

— Она защищает от известных угроз. Савва специализируется на оскорблении слова «известных».

Терминал мигнул.

Осталось семьдесят две минуты. Компенсатор тоже умеет считать, но только вниз.

— Если поломка реальна, он не может долго держать орбиту, — сказал Илья. — Где судно?

— За санитарным причалом, в слепом секторе кольца. Его задержали до досмотра.

— То есть на расстоянии переходного рукава.

— На расстоянии двух вооружённых шлюзов.

— Я не спрашивал, легко ли выйти.

Мара поставила воду на стол.

— Вы собираетесь открыть маршрут Орсо?

— Собираюсь проверить предложение.

— Это не ответ.

— Потому что решения ещё нет. Ная проверяет маркер Лады. Если он не подтвердится, основание рисковать слабее.

— А если подтвердится?

— Тогда К-17 передавал намеренное сообщение после исчезновения экспедиции.

— Это не доказывает, что Лада жива.

— Я знаю.

Он услышал раздражение в собственном голосе и записал его в журнал как фактор, способный исказить выбор. Мара заметила строку.

— Хорошая привычка, — сказала она.

— Очень неудобная.

— Поэтому хорошая.

На терминале открылся вызов Наи. Она не стала здороваться.

— Маркер подтверждён. В старых журналах тёти Лады пустой седьмой такт встречается в сорока трёх из сорока семи сообщений, где она обходила запрет на открытый текст. В обычных пакетах — два раза из ста девяноста. Вероятность случайного совпадения ниже одной десятичной.

— Что означала пауза? — спросила Мара.

— Не слово. Просьбу читать позиции пропусков. Я прогнала последовательность позднего сигнала. Там три пропуска, если учитывать повторы пакета.

Ная вывела номера блоков: 7, 49, 98.

— В словаре экспедиции это команды «держать», «разделить» и «канал», — сказала она. — Возможное чтение: «держать разделённым канал». Но без контекста я не назову это фразой.

— Может быть требованием изоляции, — сказала Мара.

— Или инструкцией не объединять потоки, — ответил Илья. — В любом случае сигнал составлен тем, кто знал личный шифр Лады.

Он добавил результат в журнал. Основание стало сильнее, но не чище.

— У тебя новое обстоятельство, — заметила Ная, увидев заголовок «Мнемы».

— Независимый буксир предлагает проход к границе зоны.

— За что?

— Ремонт.

— Где подвох?

— Пока выбираю из нескольких.

Мара запросила общий вызов. Через минуту вместо текста появился мужчина с узким лицом, тёмной бородой и ожогом, пересекавшим правую бровь. Он сидел на фоне разобранной панели. За плечом мигал красный индикатор перегрузки.

— Савва Рой, капитан «Мнемы», — представился он. — Доктор Эйт я узнаю. Девушку — нет.

— Ная Веден. Независимый свидетель решения.

— Семейный совет на карантинном крейсере. Я польщён.

— Не стоит, — сказала Ная. — Докажите, что не собираетесь выдать отца Кооперативу. Савва перестал улыбаться.

— Не собираюсь.

— Это утверждение.

— Кооператив платит за маршруты, не за людей.

— А если заплатит за носителя?

— Тогда не продам.

— Почему?

— Люди потом обижаются и портят деловые отношения.

— Плохая шутка.

— Согласен. Правильный ответ: потому что человек не груз. Но правильные ответы дешёвы. Поэтому дам вам залог.

Он вывел контракт. В случае передачи биологических или медицинских данных Ильи третьей стороне «Мнема» переходила в собственность независимого архива, выбранного Наей. Условие выглядело эффектно и почти бесполезно.

— Если вы нас предадите, буксир уже будет не вернуть, — сказал Илья.

— Значит, нужен залог, который работает до предательства. Предлагайте.

— Полный маршрут в запечатанном пакете у Мары и Орсо. Откроется автоматически, если мы пропустим контрольный сеанс.

— Тогда флот встретит нас у каждого выхода.

— Не полный текущий маршрут. Последовательность контрольных точек с задержкой в шесть часов.

— Двенадцать.

— Восемь.

— Десять, — сказал Савва. — И без данных о клиентах.

— О маршруте к К-17 нельзя говорить «клиенты», — вмешалась Мара. — Если ваш проход связан с заражёнными грузами, условия прекращаются.

— Мой проход связан со старым сервисным тоннелем, который флот считает разрушенным. Грузы там не ходят.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я его не разрушал.

— Кто разрушал?

Савва посмотрел в сторону. Красный индикатор за его плечом сменился двойным миганием.

— Это часть цены, доктор. Сначала инженер удерживает мой корабль от превращения в маятник. Потом я рассказываю, кто продал мне окно.

— Значит, проход у вас не собственный, — сказал Илья.

— Карта чужая. Проверка моя.

— Когда вы были там?

— Двадцать дней назад.

— До заражения грузового узла.

— Да.

— Что вы вывезли?

— Ничего.

— Что видели?

— Синий иней на внешнем корпусе сервисной станции. Поэтому не стыковался. Беспилотник потерял связь на девять минут, потом вернулся с очищенной памятью и новой картой подхода.

Мара наклонилась к экрану.

— Вы сообщили карантинному флоту?

— Сообщил Кооперативу. Они сказали, что флот закроет единственный маршрут снабжения трёх окраинных Сводов.

— И вы промолчали.

— Я поставил там предупреждающий буй.

— Который не зарегистрирован в общей сети.

— Общая сеть приходит на окраину после страховщиков.

— Из-за вашего молчания заражённый груз мог попасть сюда.

— Мой коридор не связан с «Невой».

— Докажите.

— После ремонта.

Мара выключила свой микрофон и повернулась к Илье.

— Он торгуется сведениями об угрозе.

— Да.

— И вы всё равно рассматриваете предложение.

— Да.

— Почему?

— Потому что Орсо не даст законный борт, а поздний сигнал требует проверки. Но условия изменились: сначала Савва передаёт вам данные беспилотника и положение буй. Только потом ремонт.

Он вернул звук.

— Капитан, медицинские и навигационные данные вашего выхода передаются Маре сейчас. Иначе сделки нет.

— Тогда меня арестуют раньше, чем вы доберётесь до шлюза.

— Вас уже задержали для досмотра. Разница только в причине.

Савва провёл ладонью по бороде.

— Знаете, Веден, обычно люди в карантине сильнее хотят наружу.

— Я хочу к данным, не наружу.

— Красиво.

— Проверяемо. Если данные беспилотника не подтверждают маршрут и аэрозоль, я остаюсь здесь.

Савва посмотрел на мигающий индикатор, затем отправил пакет.

Мара перенаправила его в изолированную лабораторию. Предварительный анализ занял шесть минут. Синий налёт совпал с образцом К-17 на девяносто семь процентов; временные метки доказывали, что «Мнема» была у Меридиана. В памяти беспилотника обнаружился девятиминутный разрыв и неизвестная навигационная таблица.

— Сообщаю Орсо, — сказала она.

— Сообщайте, — ответил Савва. — Только быстрее. Компенсатор не впечатлён вашей этикой.

Командир пришёл сам. Он просмотрел пакет стоя, не задавая вопросов, затем приказал перевести «Мнему» на аварийный захват.

— Досмотровая группа возьмёт судно, — сказал он.

— И потеряет компенсатор, — ответил Савва. — При жёстком захвате автоматика сбросит момент на жилой отсек. У вас получится очень чистый корабль с шестнадцатью мёртвыми контрабандистами.

— Шантаж?

— Конструкция. Я не ставил эту автоматику.

Илья открыл схему в полном разрешении. Теперь было видно, что секция управления не просто выгорела. Её обошли временной перемычкой, которая удерживала ротор на ручной фазе. При потере внешней команды перемычка действительно перебросила бы нагрузку на центральную ферму.

— Он говорит правду, — сказал Илья. — Захват возможен, если сначала поставить эмулятор фазы на сервисном разъёме.

— Сколько времени? — спросил Орсо.

— Удалённо — сорок минут при доступе к его системе. На борту — пятнадцать.

— Вы на борт не пойдёте.

— Тогда удалённо.

Савва покачал головой.

— Доступ к системе означает, что флот получит мой навигационный архив.

— Можно выделить ремонтный контур, — сказал Илья.

— Можно, если кто-то физически переставит три перемычки.

— Ваш механик.

— Мой механик сейчас держит ручную фазу и не может отпустить рычаг.

Орсо вызвал досмотрового офицера. Ответ пришёл немедленно: переходный рукав можно состыковать, но вход гражданского на задержанное судно нарушит карантинный протокол. Вернуться на «Рубеж» Илья после этого не сможет.

— Значит, если я пойду, останусь на «Мнеме», — сказал он.

— До помещения всего судна в изоляцию, — уточнила Мара. — Минимум двадцать один день.

Савва тихо рассмеялся.

— Если мы останемся у причала двадцать один день, нас разберут на штрафы раньше, чем на металл.

Илья посмотрел на журнал решений. Теперь выбор перестал быть отвлечённым. В соседнем секторе шестнадцать человек зависели от поломанной машины. Там же находился единственный подтверждённый след к источнику сигнала Лады. Орсо имел законное основание не выпускать судно. Савва имел причины не доверять флоту и слишком долго использовал их как оправдание молчания.

— Ная, ты остаёшься свидетелем? — спросил он.

— Да. Но не советчиком.

— Мара?

— Если перейдёте, я подготовлю автономный медицинский комплект и датчик индекса.

Это не означает согласия с выходом.

— Орсо?

— Я запрещаю покидать карантинный контур.

— На каком основании?

— Риск распространения заражения и утраты наблюдения за первым носителем.

— Конкретно. «Мнема» получит фильтры от вас, её экипаж уже контактировал с аэрозем у буя, а наблюдение можно вести удалённо.

— Вы не знаете, кто финансирует Роя.

— Это основание задержать его, не меня.

Орсо помолчал.

— Есть ещё основание. Вы нужны для анализа К-17 здесь.

— Полезность носителя не отменяет его право решать, — сказала Мара.

Командир повернулся к ней.

— А риск для населения?

— Можно снизить: герметичный переход, отсутствие контакта с портом, ежедневные пробы, автоматическая передача координат. Нельзя снизить до нуля.

— Значит, запрет остаётся.

Илья вписал позицию Орсо в журнал без сокращений.

— Моё решение: перейти на «Мнему» для аварийного ремонта. После ремонта не возвращаться на населённый Свод. Проверить источник позднего сигнала беспилотником, не стыкуясь с К-17. Маршрут с десятичасовой задержкой получает «Рубеж». Медицинские данные — Маре. При падении индекса ниже восьмидесяти пяти или новой неконтролируемой активации операция прерывается.

— Кто остановщик? — спросила Ная.

— Мара по медицинским данным. Савва по безопасности корабля. Я по цели операции.

— А если вы трое не согласны?

— Беспилотник возвращается, корабль уходит от зоны.

Савва скривился.

— Я ещё не соглашался отдавать доктору право разворачивать мой корабль.

— Тогда я не ремонтирую компенсатор.

— Вы быстро учитесь торговаться.

— Я не торгуюсь. Убираю способы, которыми каждый из нас может сделать остальных заложниками.

Мара подписала медицинскую часть. Ная — свидетельскую. Савва добавил ключ «Мнемы». Орсо не подписал.

— Я останавливаю вас у шлюза, — сказал он.

— Тогда в журнале будет проверяемый запрет, — ответил Илья. — Но сначала вы позволите мне спасти шестнадцать человек, потому что не закрываете Своды ради дисциплины.

Орсо долго смотрел на него. Потом приложил ладонь к панели связи.

— Подготовить герметичный переход к задержанному судну. Передать Ведену комплект изоляции. Досмотровой группе не входить до стабилизации компенсатора.

— А после? — спросил Савва.

— После я решу, арестовывать ли вас.

— Наконец-то ясные отношения.

Переходный рукав был рассчитан на грузы, не на людей. Илья двигался в жёстком изоляционном костюме между рёбрами герметичной трубы, толкая перед собой контейнер с инструментами и фильтрами. За прозрачной вставкой справа висел «Рубеж» — чёрная плоскость с белой карантинной чертой. Слева рос корпус «Мнемы»: серый, залатанный, с выцветшим знаком открытой ладони на носовой секции.

У шлюза буксира его встретил Савва. Вживую капитан оказался выше и моложе, чем на экране. Ожог у брови продолжался под волосами.

— Оружие есть? — спросил он.

— Плазменный резак.

— У инженеров всегда лучшие ответы.

— Воздух сначала.

Илья закрепил карантинные фильтры на приёмном коллекторе и дождался трёх чистых проб. Только после этого открыл внутреннюю дверь.

«Мнема» пахла горячим металлом, водорослевым маслом и людьми, которые слишком долго жили без свободного кубометра. В центральном проходе стояли ящики с медицинской маркировкой. Пломбы были настоящими, но сроки поставки истекли полгода назад.

— Благотворительность? — спросил Илья.

— Просроченные фильтры крови всё ещё лучше отсутствующих, — ответил Савва.

— Это не делает их безопасными.

— Нет. Делает выбор настоящим.

У компенсатора механик — женщина по имени Дея Корт — обеими руками удерживала рычаг ручной фазы. Пальцы побелели от усилия, на запястье темнел кровоподтёк.

— Сколько? — спросил Илья.

— Три часа двенадцать минут, — выдохнула она. — Капитан обещал сменить через двадцать.

— Я говорил «как только найду инженера».

— Вот инженер. Теперь молчи.

Илья осмотрел перемиčky. Схема на снимке скрывала ещё одно повреждение: датчик нулевой фазы был цел, но его линия уходила в пассажирский сектор. Кто-то использовал штатный кабель для питания дополнительных капсул.

— Вы повесили медицинский отсек на измерительную линию.

— На силовой шине были пульсации, — сказала Дея. — Капсулы отключались.

— Поэтому компенсатор ослеп и сжёг управление.

Савва прислонился к стене.

— Можно починить без отключения капсул?

— Можно всё, если не спрашивать, сколько сломается потом.

Илья открыл журнал ремонта и внёс незадекларированную переделку. Савва не возражал.

План требовал на девяносто секунд снять питание с медицинского отсека, запустить локальный накопитель и вернуть датчик на штатную линию. В одной из капсул лежал старик после операции. Его дочь сидела рядом и держала ручной насос.

— Накопитель выдержит минуту, — сказала Дея.

— Нам нужно полторы.

— Тогда последние тридцать секунд — ручную.

Савва взял второй насос.

— Начинайте.

Илья не увидел траекторий. Ему хотелось, чтобы контур подсказал идеальную последовательность, но он не позволил желанию стать активацией. Вместо этого трижды проговорил шаги с Деей, раздал таймеры и назначил отмену при падении давления в капсуле.

Питание сняли.

В темноте аварийные полосы окрасили отсек красным. Дея отпустила рычаг ровно на два пальца, Илья выдернул самодельную перемычку и поставил эмулятор. Ротор взвыл. На сороковой секунде давление в капсуле пошло вниз; Савва начал качать ручную. На семьдесят третьей секунде Илья вернул линию датчика. На восемьдесят пятой компенсатор увидел нулевую фазу и сам подхватил вращение.

Свет вернулся.

Дея медленно разжала руки. Рычаг остался неподвижен.

— Получилось? — спросил Савва.

— Временная устойчивость. Не разгоняйтесь выше двух десятых и не берите груз.

— А к Меридиану?

— Дойдёт, если не соврали о массе.

— Мы никогда не врём о массе. Мы творчески определяем тару.

На внешней связи появился Орсо.

— Компенсатор стабилен. Веден, возвращайтесь к переходу.

Савва посмотрел на Илью, но не двинулся к управлению шлюзом.

— Вы обещали маршрут после ремонта, — сказал Илья.

— И дам. Если останетесь.

— Это заложничество.

— Это цена.

Илья открыл журнал и показал подписанный пункт. Савва сам согласился передать маршрут независимо от последующего решения флота.

Капитан выругался без изобретательности, затем приложил ключ к терминалу. Запечатанный пакет ушёл Маре и Орсо.

— Теперь вы свободны вернуться, — сказал он. — И оставить нас под арестом.

Илья посмотрел через иллюминатор на чёрный корпус «Рубежа». Там были медицина, данные и законный порядок, несовершенный, но не враждебный. На «Мнеме» — скрытый коридор, сомнительный капитан и шанс проверить сигнал. Он не хотел бежать от первого. Ему требовалось второе.

— Мара, вы получили маршрут?

— Получила. Контрольные точки настроены. Медицинский канал устойчив.

— Ная?

— Журнал синхронизирован. Я возражаю против выхода, потому что данных мало. Но понимаю основание.

— Орсо?

Командир ответил не сразу.

— Я не разрешаю рейс. Но маршрут известен, санитарные условия выполнимы, немедленная силовая остановка создаст больший риск для людей на «Мнеме». Не называйте это согласием.

— Назову решением не стрелять.

— Это точнее.

Илья отстыковал переходный рукав ручную. Белая карантинная черта на «Рубеже» отдалась.

«Мнema» дала минимальный импульс. Компенсатор удержал фазу, и старый буксир начал выход из тени Свода.

— Курс? — спросил Савва.

— Сначала контрольная точка, где ваш беспилотник получил новую карту. Потом внешний край К-17. Без стыковки.

— Вы командуете моим кораблём через пять минут после посадки.

— Нет. Проверяю условие сделки.

Савва вывел курс на общий экран. Он совпал с первой точкой запечатанного маршрута.

Илья добавил последнюю строку в журнал: Карантин не отвергнут. Наблюдение продолжается. Цель выхода — проверить источник намеренного сигнала.

Только после этого он позволил себе посмотреть вперёд.

За краем кольца три яркие звезды стояли слишком близко друг к другу. Обычная перспектива, сказал Илья себе. Просто рисунок, которому люди дали имя.

Контур под кожей отозвался едва заметным холодом.

Кольцо без центра

Свод Меридиан появился на экране как ошибка распознавания.

Навигационная система «Мнемы» трижды обвела пустоту жёлтой рамкой, дважды сняла отметку и только после ручного запроса Саввы признала объект станцией. От кольца диаметром в восемь километров осталась тёмная дуга, перечёркнутая солнечным светом. Центральная ось ушла на семьсот метров в сторону и медленно описывала круг, словно кто-то раскачивал невидимый маятник.

— Кольцо без центра, — сказала Дея. — Очень успокаивающее название.

— Центр есть, — ответил Илья. — Просто не там, где его ищет автоматика.

Он стоял за креслом Саввы, пристёгнутый к палубной скобе. После ремонта компенсатор «Мнемы» удерживал фазу, но любой лишний импульс отзывался дрожью в переборках. На схеме корабль выглядел аккуратной синей стрелкой. В действительности буксир нёс на внешней обшивке две грузовые фермы, несимметричный бак и старую антенну, которую Савва отказался сбросить, потому что «её уже один раз оплатили».

До Меридиана оставалось сорок три километра. К-17 находился дальше, за плоскостью кольца, и не отвечал ни на запросы «Мнемы», ни на ретрансляцию «Рубежа».

Мара вышла на медицинский канал без приветствия.

— Пассивный индекс: девяносто. Погрешность плюс-минус два. Рост пульса связан с манёвром, признаков активации нет.

— Было девяносто один, — сказала Ная со второго окна связи.

— Разница внутри погрешности, — ответила Мара. — Не превращайте шкалу в счётчик обратного отсчёта.

Илья посмотрел на карту станции. Пять стыковочных узлов были разрушены, шестой находился на внутренней поверхности кольца. Именно оттуда беспилотник Саввы получил последний устойчивый пакет. Подойти к шлюзу значило войти внутрь вращающейся дуги и сравнить движение не с геометрическим центром, а с каждой точкой поверхности отдельно.

— Мы не стыкуемся, — напомнил Савва. — Так записано.

— С К-17, — сказал Илья. — Про Меридиан записано: контрольная точка.

— Вы удивительно быстро освоили мелкий шрифт.

Дея увеличила телеметрию шестого узла. Его аварийный маяк передавал давление в шлюзе и резерв энергии на сорок семь часов. Данные обновились одиннадцать минут назад.

— Там либо работает автоматика, либо кто-то недавно её разбудил, — сказала она.

— Беспилотник не мог? — спросила Ная.

— Он прошёл в девяти километрах. Маяк ближнего действия.

Савва вывел на экран журнал решения.

— Известно: шлюз держит воздух и отвечает. Предполагается: на станции есть свежие данные. Риск: нас размажет о внутреннюю обшивку. Альтернатива: отправить зонд.

— Зонд потеряет связь за дугой, — сказал Илья. — И не откроет механический архивный контейнер.

— Тогда подождём «Рубеж».

— Десять часов. За это время резерв станции упадёт до тридцати семи, а след мог оставить человек, которому нужен воздух сейчас.

Орсо подключился к каналу так, будто всё время слушал.

— «Рубеж» не меняет курс. До вашей позиции девять часов сорок минут. Запрещаю посадку на объект с неизвестной биологической обстановкой.

— Мы можем взять пробы снаружи и открыть только технический тамбур, — сказал Илья.

— Это всё ещё посадка.

Савва поднял бровь.

— Приятно, когда закон и физика наконец согласны.

Илья внес возражение Орсо в журнал. Затем записал условия: один облёт; автоматический отказ при ошибке модели выше восьми процентов; никакого входа в жилые секции; внешний остановщик — Савва до касания, Дея после касания, Мара при признаках активации. Если живые не обнаружены, они забирают только копию журнала шлюза и уходят.

— Ная? — спросил он.

— Я свидетель. И считаю, что вы подгоняете срочность под желание найти тётю.

— Внеси.

— Уже.

Савва обвёл взглядом экипаж рубки.

— Один облёт. Если модель не сходится, уходим. Мой корабль — не аргумент в семейном споре.

«Мнема» сбросила скорость и пошла вдоль внешнего края дуги. Меридиан медленно разворачивал перед ними следы старой катастрофы. Три секции кольца отсутствовали полностью; на местах разрыва торчали силовые жилы, запёкшиеся в стеклянные гребни. Уцелевшая часть вращалась неравномерно: тяжёлые жилые блоки тянули её вниз относительно плоскости орбиты, а сломанная ось каждые девять секунд дёргала конструкцию к ложному центру.

Илья собрал модель из четырёх источников: дальномера «Мнемы», старых паспортных масс, тепловой съёмки и движения пыли. Каждая версия давала безопасное окно длиной от двенадцати до восемнадцати секунд, но окна не совпадали.

— Ошибка одиннадцать процентов, — сказала Дея.

— Уходим, — немедленно решил Савва.

В этот момент маяк шестого шлюза передал новый пакет.

Не стандартную телеметрию. Семь коротких импульсов, пустой такт, ещё семь.

Ная замерла на экране.

— Это маркер Лады.

— Это может быть автоматика, которую настроила Лада, — возразила Мара. — Не человек.

— Я знаю.

Илья уже видел, как желание превращает неопределённость в доказательство. Он закрыл входящий пакет и оставил на экране только расчёт движения.

— Правило отказа сработало, — сказал он. — Отходим.

Савва посмотрел на него с коротким удивлением и дал боковой импульс.

Станция ответила раньше корабля.

На дальней стороне дуги вспыхнули два древних маневровых блока. Один погас сразу. Второй продолжил работать, разворачивая разорванное кольцо. Геометрический центр побежал по экрану. Шестой шлюз, который должен был уйти вверх, внезапно нырнул к «Мнеме».

— Полный назад! — крикнула Дея.

Савва утопил рукоять. Кормовой двигатель дал тягу, но компенсатор не принял резкую смену фазы. Корпус ударило боковой вибрацией. На схеме посыпались жёлтые предупреждения.

До внутренней поверхности оставалось двести восемьдесят метров.

— Сбросить грузовые фермы, — сказал Илья.

— На них медицинские контейнеры.

— Тогда антенну и пустой бак.

Дея ударила по аварийному освобождению. Антенна ушла, вращаясь, но замок бака не открылся. «Мнему» развернуло носом к обшивке. Автоматика пыталась выбрать центр станции и каждый раз получала новую точку.

Сто девяносто метров.

Илья отключил подсказки. Перед ним остались четыре числа: угловая скорость дуги, собственный разворот, тяга и задержка компенсатора.

Этого было недостаточно.

Контур раскрылся не светом, а холодом. Пространство перестало быть объёмом и стало совокупностью обещаний. Обшивка обещала оказаться там, где её ещё не было. Корма «Мнемы» обещала продолжить поворот после выключения двигателя. Сорванная антенна, маленькая и уже ненужная, прочертила границу, за которой станция увлекала всё в собственное вращение.

— Илья, признаки активации, — сказала Мара. — Прекратите задачу.

— Прекращу после касания.

— Это медицинский приказ.

— Савва, ручное управление мне.

Капитан не спорил. Резко снял блокировку и передал рукоять.

Илья дал тягу не от станции, а к ней.

Дея выругалась. Нос «Мнемы» провалился внутрь кольца. Обшивка понеслась навстречу, затем ушла вниз: корабль пересёк невидимую границу и начал вращаться вместе с дугой. Илья погасил кормовой импульс, включил левую маневровую кассету на две десятых и увидел три пути. Первый ломал нос. Второй сохранял корпус, но отрывал медицинские фермы. Третий требовал пройти в четырёх метрах от выступающей балки и коснуться шлюза раньше, чем компенсатор завершит фазу.

Он выбрал третий.

Мир сузился до поверхности, которая ещё не пришла, и корабля, который уже опаздывал. Илья нажал рукоять за мгновение до того, как увидел необходимость движения. «Мнема» легла на бок. Балка прошла под рубкой; металл завизжал по нижней броне. Дея выпустила магнитные якоря.

Первый промахнулся.

Второй зацепил край фермы и вырвал лист обшивки.

Третий вошёл в сервисное гнездо.

Корабль дёрнуло так, что ремни выбили воздух из груди. Магнитный трос вытянулся, погасил остаток скорости и потащил «Мнему» вслед за кольцом. Савва включил носовой захват. Стыковочная рама сомкнулась вокруг аварийного шлюза.

В рубке стало тихо.

На внешней камере обломок антенны медленно пролетел мимо и исчез в темноте.

— Посадка, — сказала Дея. — Если это слово ещё что-то значит.

Илья отпустил рукоять. Контур не закрылся сразу. Он продолжал видеть движение за неподвижными предметами: стакан у кресла падал по дуге, кровь шла по сосудам Саввы, станция совершала следующий рывок. Потом линии погасли.

Пришло головокружение. Следом — пустота, слишком аккуратная, чтобы быть усталостью.

— Назовите себя, — потребовала Мара.

— Илья Веден. Тридцать восемь лет. Аварийный инженер флота.

— Цель рейса?

— Источник сигнала экспедиции Лады Веден.

— Последнее воспоминание о Нае, которое вы можете вызвать без подсказки.

Он увидел дочь на экране «Рубежа», сердитую, собранную. Увидел, как она создала журнал и отказалась хранить его прошлое. До этого — школьный коридор, маленькая ладонь в его руке, новая форма.

Нет. Не коридор. Он знал, что отвёл Наю в школу в первый день. Знал дату, название учебного Свода, имя наставницы. В архиве должна была быть фотография: Ная у шлюза с красной лентой на рукаве.

Но он не стоял рядом с ней.

Факт существовал без места, запаха, голоса и собственного присутствия. Будто первый школьный день произошёл с чужим ребёнком, а Илья позднее прочитал справку.

— Потерян первый день Наи в школе, — сказал он.

Ная не ответила.

Мара провела быструю последовательность вопросов. Илья помнил, как выбирал учебный модуль, спорил с Асей о ранней специализации, чинил Нае застёжку на форме накануне. Утро, дорога и прощание исчезли целиком.

— Предварительный индекс восемьдесят восемь, диапазон восемьдесят шесть — девяносто, — сказала Мара. — Порог прекращения не достигнут. Но была неконтролируемая активация. По вашему протоколу операция завершена.

— После проверки герметичности мы отстыкуемся, — сказал Савва.

Илья посмотрел на окно связи.

— Ная.

— Не проси меня рассказывать, — сказала она.

— Не прошу.

— Тогда запиши потерю. Точно.

Он открыл журнал. Пальцы слушались.

Цена активации: утрачен автобиографический эпизод первого школьного дня Наи. Сохранились факты до и после события. Не заполнять пробел рассказами свидетелей до картирования. Решение о посадке принято после аварийного сближения, не ради продолжения поиска. Результат: корабль и люди сохранены.

Ная поставила отметку свидетеля, но не знак согласия.

— Теперь уходите, — сказала Мара.

Дея проверяла захват. Её лицо стало неподвижным.

— Не можем. При касании погнули внешний лепесток. Расцепление снесёт головку шлюза и, вероятно, наш носовой замок.

— Время ремонта? — спросил Савва.

— Снаружи двадцать минут. Из тамбура — семь.

Орсо немедленно повторил запрет на вход. Савва показал камере деформированный узел.

— Командир, можно ждать вас девять часов и потерять герметичность при следующем рывке. Можно открыть внешний тамбур, который по нашим пробам чист. Людей в жилой сектор не поведём.

Орсо молчал пять секунд.

— Только технический тамбур. Два человека. Непрерывная съёмка. При обнаружении аэрозоля — герметизация и ожидание крейсера.

Илья надел изоляционный костюм. Савва оставил управление Дее и пошёл с ним, объяснив, что капитан обязан лично увидеть место, где едва не погиб его корабль. На самом деле он не доверял Илье после активации. Илья счёл это разумным.

Давление в переходе совпало с маяком. Спектрометр не обнаружил синего аэрозоля. Они открыли внутреннюю дверь на ширину плеча и протиснулись в тамбур.

Станция вращалась, но пол не соглашался с глазами. Каждые несколько секунд тяжесть смещалась от ботинок к стене. Инструменты висели на страховочных шнурах. На внутренней стороне шлюза белела свежая царапина, а рядом кто-то провёл три короткие линии и одну длинную.

— Это может быть сервисная метка, — сказал Савва.

— Может.

Они не стали придавать ей смысл. Сначала Илья добрался до ручного привода захвата, снял кожух и выправил лепесток гидравлическим разжимом. Семь минут превратились в одиннадцать: ось была не просто согнута, а подплавлена недавним импульсом.

Пока Илья фиксировал замок, Савва осмотрел нишу аварийного маяка.

— Здесь контейнер.

Пломба на узком металлическом цилиндре была сорвана меньше месяца назад. Внутри лежали сменный накопитель, две пустые ампулы фильтра и лента ручного принтера. На ленте стояла дата: двадцать три дня после официального исчезновения «Пилигрима».

Илья не тронул вещи. Снял общий план, поверхность пломбы и серийные номера. Только затем раскрыл стерильный пакет и перенёс накопитель внутрь.

На корпусе ампулы была маркировка экспедиционного комплекта Лады. Под серийным номером — её привычка, не доказательство и всё же материальная деталь: цифра восемь дописана двумя отдельными окружностями, верхняя меньше нижней.

— Свежий след, — сказал Савва.

— Свежий относительно исчезновения. Не обязательно Лада.

— Вы невыносимы, когда правы осторожно.

Накопитель прочитался на автономном терминале. Большая часть данных оказалась журналом шлюза. «Пилигрим» не стыковался с Меридианом: двадцать шесть дней назад к станции подошёл его посадочный модуль. Шесть человек вошли через тамбур. Через четыре часа вышли пятеро. Модуль ушёл курсом к К-17.

Шестой человек остался на станции ещё на девять часов, затем покинул её на индивидуальной спасательной капсуле. Идентификаторы костюмов были стёрты, но перед уходом кто-то вручную записал маршрут.

Координаты совпали с внешним сектором К-17.

В конце файла находились четырнадцать импульсов и пустой седьмой такт.

Ная проверила контрольную сумму.

— Запись создана локально. Её не мог дописать беспилотник Саввы. Группа Лады прошла через Меридиан после официальной даты исчезновения и ушла к К-17.

— По меньшей мере один человек из группы, — поправила Мара.

— По меньшей мере один, — согласилась Ная. — Но модуль нёс шестерых.

Илья смотрел на число и чувствовал, как разум пытается выбрать желаемое лицо. Он не позволил.

— Копируем журнал, контейнер оставляем на месте, — сказал он. — Берём только накопитель как носитель данных и обе пустые ампулы для анализа. Жилые секции не открываем.

За дверью в глубину станции что-то ударило один раз. Потом ещё два — с равным интервалом.

Савва поднял фонарь.

— Это не кольцо.

— Возможно, незакреплённый груз.

Удар повторился: семь раз, пауза, семь раз.

Илья ощутил, как холод собирается под кожей. Не контур — ожидание контура, почти такое же опасное.

Он закрыл внутреннюю дверь тамбура и поставил механическую блокировку.

— Наше условие — не входить в жилой сектор. Активация уже прекратила операцию.

— Там может быть человек, — сказал Савва.

— Тогда «Рубеж» придёт с карантинной группой. У нас нет права заражать шестнадцать человек на «Мнеме» ради неизвестного сигнала.

Удары продолжались, пока они возвращались на корабль.

Дея освободила захват. На этот раз лепесток разошёлся чисто. «Мнема» дала короткий импульс, отделилась от шлюза и скользнула вдоль внутренней поверхности, уже совпадая с её вращением. Савва не брал курс к К-17. Сначала он вывел корабль за пределы разорванного кольца и погас относительную скорость.

Меридиан снова стал тёмной дугой.

Мара запечатала медицинские данные и подтвердила предварительный индекс: 88/100 с диапазоном 86–90. Орсо принял координаты и перенаправил «Рубеж» к станции. До прибытия крейсера «Мнема» должна была оставаться вне пятидесятикилометровой зоны.

— Мы потеряли темп, — сказал Савва.

— Мы получили доказательство направления, — ответил Илья. — И не нарушили условие после активации.

— Кроме маленькой посадки на развалину.

— Посадку нам назначила развалина.

Дея фыркнула и впервые после сближения отпустила аварийную рукоять.

Илья открыл журнал. Он знал, что в первый школьный день Ная носила красную ленту. Знал, что Ася сфотографировала их у шлюза. Эти сведения лежали рядом и не складывались в прожитое утро.

Он не стал открывать фотографию.

Вместо этого дописал результат: Материально подтверждено: посадочный модуль «Пилигрима» прибыл на Меридиан после официального исчезновения; шесть человек вошли, пятеро продолжили путь к внешнему сектору К-17, один отбыл позже. Личности не установлены. Сигнал за внутренней дверью передан карантинной группе. Следующее решение принимается после повторного картирования и анализа накопителя.

Ная прочитала запись.

— Так точно, — сказала она.

Это не вернуло утраченное утро. Но впервые после активации Илья ясно почувствовал разницу между памятью, которую нельзя потребовать обратно, и выбором, который всё ещё принадлежал ему.

За кормой Меридиан продолжал вращаться вокруг центра, которого у него не было.

Чужая карта боли

Повторное картирование началось через два часа после отхода от Меридиана.

Мара запретила Илье смотреть на найденный накопитель до конца теста. На экране рубки появлялись предметы и места, никак не связанные с рейсом: чашка Аси, учебный шлюз Наи, коридор первой вахты, ладонь Лады со шрамом у большого пальца. Илья называл факт, ощущение и степень уверенности отдельно.

Первый школьный день Наи оставался белым провалом. Он знал, что событие было, но не мог честно сказать «я помню» ни об одной его минуте.

— Восемьдесят восемь, — подвела итог Мара. — Диапазон сузился: восемьдесят семь — восемьдесят девять. Новых разрывов после посадки нет.

— Значит, можно открыть накопитель? — спросил Савва.

— Вам — можно. Илье — после двадцати минут отдыха.

— За двадцать минут данные не состарятся, — сказал Илья.

Он ушёл в маленькую каюту, которую Савва называл гостевой, хотя половину койки занимали запасные фильтры. Ная оставалась на связи, но не заполняла тишину. Илья был благодарен ей именно за это.

— Я не открыл фотографию, — сказал он.

— Я вижу журнал доступа.

— Ты следишь?

— Проверяю соблюдение решения. Это разные вещи, если доступ симметричный.

Илья мог увидеть и её обращения к журналу. Ная не читала медицинские ответы, только отметку о закрытом архиве.

— Ты была рада идти в школу? — спросил он и сразу понял ошибку.

— Это просьба рассказать.

— Да. Отзываю.

— Когда картирование закончится и ты решишь, зачем тебе этот рассказ, согласишься снова. Я могу согласиться или нет.

На этом разговор закончился. Память не вернулась, зато граница между ними осталась целой.

Накопитель Меридиана содержал три слоя. Первый — журнал шлюза, уже скопированный в тамбуре. Второй — служебная карта разрушенного кольца. Третий был скрыт под заголовком диагностики опорных подшипников и занимал в сорок раз больше места, чем мог породить любой подшипник.

— Лада любила такие тайники? — спросил Савва.

— Она любила, чтобы тайник выглядел скучнее содержимого, — ответил Илья. — Но это ещё не доказывает авторство.

Дея пустила файл в изолированную среду. Вместо текста появилась последовательность координат, разорванная показаниями медицинских датчиков. Пульс, проводимость кожи, мышечное напряжение, температура. Потом снова координаты.

— Телеметрия костюма, — сказала Мара.

— Шести костюмов, — возразила Ная. — Частоты дыхания накладываются.

Она разделила график по фазам. На экране возникли шесть линий. Одна оборвалась на Меридиане. Пять продолжились к К-17, постепенно теряя различия.

— Они синхронизировались? — спросил Савва.

— Не полностью, — сказала Мара. — Реакции на стимулы приходят с разницей в сотни миллисекунд. Но чем ближе к К-17, тем меньше задержка.

Илья смотрел на координаты между импульсами сердца. Это была плохая карта: точки прыгали, расстояния не сходились, один и тот же поворот требовал противоположной тяги.

Контур под кожей отозвался холодом.

— Закройте визуализацию, — сказала Мара.

Дея погасила экран. Холод ушёл.

— Файл рассчитан на носителя, — сказал Илья.

— Или повреждён, — ответила Мара. — Не романтизируйте дефект данных.

Ная предложила перевести координаты в звук, затем в тактильную матрицу, но обе версии сохраняли противоречия. Только когда она совместила навигационные точки с шестью медицинскими потоками, стало видно правило: направление принадлежало не одному наблюдателю. Каждый участник передавал часть вектора, а общий курс возникал из их реакций.

— Это не карта боли, — сказал Савва. — Это карта, нарисованная болью.

— Реакциями тела, — поправила Мара. — Боль — лишь один канал.

В глубине файла обнаружился открытый порт. Он не был адресом связи; скорее пустым местом, куда система ожидала седьмой поток.

— Не подключать Илью, — одновременно сказали Мара и Ная.

— Я ещё ничего не предложил.

— Предложили лицом, — сказала Ная.

Дея послала на порт синтетический сигнал: ровный пульс, нулевая проводимость, случайные микродвижения. Файл отверг его. Вторая модель имитировала одного из участников — и получила ответ.

На динамике прозвучал вдох.

Не запись: частота менялась в ответ на задержку канала. За вдохом пришёл короткий шум, похожий на голос, пропущенный через воду.

— Разделите частоты, — сказал Илья.

Ная уже делала это. Из шума выделились три слоя. В первом женщина пыталась произнести координаты. Во втором кто-то считал до семи. Третий повторял медицинскую тревогу чужого костюма.

— Тесс Ардан, — сказала Мара. — Голос совпадает с образцом из дела экспедиции на восемьдесят девять процентов.

— Недостаточно для идентификации, — отозвалась Ная.

Женский голос повторил фразу. Теперь удалось разобрать слова:

— Не складывайте нас.

Савва наклонился к микрофону.

— Тесс Ардан, вы слышите буксир «Мнема»?

Ответ пришёл не голосом. У Деи свело левую руку.

Она отшатнулась от панели, сжимая запястье.

— Судорога.

На медицинском графике одного из пяти потоков в ту же секунду возник такой же спазм.

— Канал двусторонний, — сказала Мара. — Отключить синтетический поток.

Дея разорвала соединение. Судорога отпустила её не сразу.

— Я не была подключена датчиками, — сказала она.

— Вы касались панели. Возможно, привод дал обратную тактильную команду через перчатку.

Савва снял руки с консоли.

— Приятная система. Сначала показывает дорогу, потом проверяет, есть ли у тебя мышцы.

Илья потребовал внести контакт в журнал как воздействие, а не как сообщение. Они изолировали панель, отключили тактильную отдачу и подали новый синтетический запрос только через оптический канал.

— Тесс, — произнёс Илья. — Если вы слышите, не передавайте ощущения. Только измените задержку после каждого седьмого импульса.

Семь тактов. Пауза.

Семь тактов. Пауза вдвое длиннее.

— Слышит, — сказала Ная.

Они построили медленный алфавит из длительности пауз. На одно слово уходила минута, иногда две. Ответы приходили обломками:

ПЯТЕРО.

ЖИВЫ.

РАЗНЫЕ.

После третьего слова канал заполнила тахикардия сразу двух потоков. Координаты сдвинулись.

— Не задавайте эмоциональных вопросов, — предупредила Мара. — Любая реакция распределяется между ними.

Илья заранее записал вопрос и показал его Нае: Лада Веден среди пятерых?

Ная покачала головой.

— Это именно эмоциональный вопрос.

— Для меня.

— И, возможно, для неё. Спроси то, что нужно для спасения.

Он стёр строку.

— Нужна ли немедленная медицинская помощь?

Ответ собирался почти четыре минуты.

НЕ ТЕЛАМ. РАЗДЕЛИТЬ КАНАЛ.

Фраза совпала с предварительным чтением маркера Лады. Теперь это уже не было семейной догадкой: два независимых носителя, Меридиан и живой ответ, передавали одну инструкцию.

— Что случится, если канал не разделить? — спросила Мара.

ОДИН КУРС. ОДНА РЕАКЦИЯ. НЕТ ИМЕН.

Пятый поток на экране дрогнул и на несколько секунд совпал с остальными полностью. Женский голос произнёс «мы», затем захлебнулся помехой.

Илья почувствовал не зов, а геометрию: пять точек пытались стать одной. Контур предлагал простой способ увидеть их общий вектор. Он отступил от панели.

— Без подключения, — сказал он.

Мара ничего не ответила, но отметила выбор в медицинском журнале.

Тесс передала следующий пакет координат. Теперь Ная знала, как его читать: не усреднять потоки, а сохранять различие между ними. Пять неполных траекторий образовали коридор к внешнему сектору К-17. Узкое окно открывалось через семь часов и длилось тридцать шесть часов до очередного смещения обломков.

— Тридцать шесть, — сказал Савва. — Почти щедро.

Орсо получил пакет одновременно с ними. Командир потребовал исходные данные, метод разделения и запись контакта. Затем сообщил, что «Рубеж» завершит подход к Меридиану через семь часов тридцать минут.

— Вы не успеете к началу окна, — сказал Илья.

— Вы останетесь на месте до нашего прибытия.

— Тогда потеряем коридор.

— Альтернатива — заражённый носитель на гражданском буксире входит в неизвестный узел.

— Альтернатива — отправить «Мнему» без меня.

Савва повернулся.

— Нет.

— Почему?

— Потому что карта отвечает носителю. Без вас мы слепые. С вами — приманка для контура. В обоих вариантах это не спасательная операция.

Орсо открыл общий журнал и внёс приказ: «Мнеме» удерживать позицию, подготовить данные для карантинной группы, не приближаться к К-17. Илья не стал спорить дальше. Пока приказ опирался на верные риски.

Связь с Тесс начала распадаться. Последним устойчивым словом было:

СКОРО.

— Что скоро? — спросила Ная.

Ответ пришёл координатами. К-17 менял ориентацию. Через тридцать девять часов коридор не просто закрывался — внешний узел поворачивался к населённым трассам и начинал передавать в сторону ближайшего Свода.

Мара первой поняла следствие.

— Если аэрозоль выйдет с направленным потоком, карантин Меридиана бессмысленен.

Орсо запросил расчёт распространения. Дея построила грубую модель по массе частиц с беспилотника. До пересечения с грузовой трассой оставалось сорок восемь часов.

Командир изменил курс «Рубежа».

— Я иду к К-17. «Мнема» остаётся позади и передаёт карту.

— Ваш крейсер не пройдёт коридор без поправок пяти потоков, — сказала Ная. — Карта меняется вместе с их состоянием.

— Тогда буксир идёт впереди на дистанции визуального контакта. Веден не подключается. При первой неконтролируемой активации я блокирую двигатели «Мнемы».

Савва усмехнулся без радости.

— Вот теперь это похоже на погоню.

Илья внёс в журнал известное: пятеро участников экспедиции живы и сохраняют различия, но их реакции объединяет сеть; Тесс идентифицирована предварительно; К-17 через сорок восемь часов создаст риск для грузовой трассы. Гипотеза: разделение каналов позволит вывести людей без превращения в единый навигационный узел. Риск: контур Ильи реагирует на карту. Остановщик: Мара по медицинским данным, Орсо по дистанционной блокировке, Савва по безопасности корабля.

Ная добавила своё возражение: дистанционная блокировка флота сама может убить буксир внутри коридора. Орсо изменил условие — блокировка только вне зоны обломков или по подтверждению Саввы.

Решение стало не безопасным. Оно стало проверяемым.

Через час на кормовом экране возник «Рубеж». Карантинный крейсер шёл быстрее, чем обещал его старый расчёт, и закрывал «Мнеме» путь назад.

Впереди пять чужих пульсов рисовали дорогу к К-17.

Цена курса

«Мнема» вошла в коридор через девятнадцать минут после того, как на кормовом экране появился «Рубеж».

Коридором это называла Ная. Для Саввы впереди была россыпь обломков, для Деи — последовательность коротких импульсов маршевого двигателя, для Ильи — пять несовпадающих пульсов, каждый из которых указывал чуть в другую сторону.

— Поправка два и четыре вправо, — сказала Ная. — Через семь секунд отменить четыре.

— Какая из пяти? — спросил Савва.

— Третья и пятая совпали. Первая запаздывает. Беру медиану без усреднения.

Савва перевёл тягу на правые сопла. Буксир скользнул между двумя плитами кольца. На одной ещё горели сервисные огни, другая вращалась тёмной стороной и раз в двадцать секунд закрывала звёзды.

«Рубеж» держался в двухстах километрах за кормой. Для крейсера это была почти сцепка. Его радар ощупывал «Мнему» так часто, что на панели связи не гасла жёлтая рамка карантинного контроля.

— Веден, отойдите от навигации, — потребовал Орсо.

Илья показал в обзорную камеру обе руки. На пальцах не было датчиков, перчатки лежали в шкафу.

— Я у переборки. К карте не подключён.

— Ваш индекс?

Мара ответила раньше:

— Восемьдесят восемь. Телеметрия стабильна. Пассивная реакция контура ниже порога.

— При изменении докладывать без задержки.

— Это уже записано в протоколе, командир.

Орсо отключился. Савва проводил погасшую рамку взглядом.

— Ему очень хочется арестовать кого-нибудь до завтрака.

— Ему хочется, чтобы заражённый инженер не повёл гражданский буксир в неизвестный источник заражения, — сказала Мара. — Желание не экзотическое.

— Тогда почему он идёт следом?

— Потому что грузовая трасса экзотичнее.

На восьмой минуте первая линия карты перестала отвечать. Не оборвалась — замерла, повторяя один и тот же участок траектории.

Ная вывела рядом временные метки.

— Поток не обновляется. Мы видим его прошлое состояние.

— Выбросить? — спросила Дея.

— Нет. Если выбросим молча, четыре голоса станут выглядеть как согласие. Помечаю как устаревший.

Курс сузился. «Мнема» прошла над краем разорванного радиатора, и рубку залило синим отражением К-17.

Внешний сектор не походил на станцию. Несколько дуг окружали пустоту, слишком большую для любого человеческого корабля. Между ними висели тонкие перемычки, похожие на застывшие струи металла. По их поверхности двигалось свечение: сначала к центру, потом наружу, будто сооружение дышало.

Илья увидел то, чего не показывала оптика: одна из дуг тянула соседнюю не по направлению вращения. Контур под кожей остыл.

Он отвернулся.

— Мара.

Она уже смотрела на его график.

— Пассивный отклик. Активации нет.

— Левая верхняя дуга нагружена поперёк оси.

— Вы это видите глазами?

— Нет.

Орсо включился на общий канал.

— «Мнема», сбросить тягу. Дальше идёт карантинный флот.

Савва не подчинился, но и не прибавил хода.

— По вашему курсу коридора нет, — сказала Ная. — Передаю отдельные траектории.

— Получил. Наш вычислитель строит безопасный проход.

— Он их усредняет.

— Военный вычислитель умеет работать с неполными данными.

На экране появилась траектория «Рубежа»: гладкая, экономная и неверная. Она пересекала место, которое пять потоков обходили с разных сторон.

Илья увеличил участок. В пустоте не было ни плиты, ни облака частиц.

— Почему они обходят эту точку? — спросил он.

— Четыре обходят, — сказала Ная. — Устаревшая первая проходит насквозь.

— Значит, препятствие появилось после её последнего обновления.

Дея направила узкий радарный луч. Ответа не было. Лидар тоже показал пустоту.

— Поле? — спросил Савва.

— Или движение, которого датчики не отделяют от фона, — ответил Илья. — Орсо, остановите расчёт.

— Основание?

— Живая карта огибает новую область. Ваш курс режет её.

— Тип опасности?

Илья молчал две секунды. Слово «напряжение» было ощущением, не измерением.

— Не установлено.

— Тогда это не основание передавать управление заражённому носителю.

«Рубеж» начал обгон. Его нос медленно вышел из-за кормы «Мнемы», белый и целый на фоне переломанных дуг.

Ная послала короткий запрос пяти потокам: изменить паузу, если опасность физическая. Ответили четыре. Паузы оказались разными, но каждая была длиннее контрольной.

— Они подтверждают препятствие, — сказала она.

— Они подтверждают реакцию, — возразил Орсо. — Причина неизвестна.

Илья смотрел не на пустую область, а на дуги вокруг неё. Свет шёл наружу. На ближайшей перемычке он задерживался через равные промежутки.

— Дея, наложите частоту свечения на поправки карты.

Она вывела два графика. Пики совпали.

— Это выброс, — сказал Илья. — Не облако. Плоскость частиц проходит по перемычке и поворачивает вместе с ней. Радар видит фон, потому что частицы движутся согласованно.

— Плотность? — спросил Орсо.

— Не знаю. Отзовите крейсер.

— Число, Веден.

Илья заставил себя не смотреть внутрь узла. Вместо этого он взял данные беспилотника с Меридиана, яркость перемычки и скорость её поворота. Три величины не давали плотности. Они давали момент встречи.

— Через сорок одну секунду ваша носовая секция пересечёт плоскость.

— Недостаточно для манёвра возвращения.

— Не возвращайтесь. Крен двадцать градусов, сброс хода на семь процентов. Плоскость пройдёт вдоль брони.

— Источник решения?

— Оптика, данные беспилотника и четыре независимые реакции. Контур не использую. Орсо выдержал паузу, которая стоила трёх секунд, и приказал крейсеру выполнить манёвр.

Через полминуты пустота стала синей.

Тонкая полоса проявилась от края до края обзорного экрана, ударила в скулу «Рубежа» и растеклась по броне. Крейсер качнуло. На мгновение исчезли две антенны, затем связь вернулась с треском.

— Повреждения? — спросил Илья.

— Наружное покрытие, два датчика, — ответил Орсо. Голос остался ровным. — Без пробития.

— При прежнем курсе плоскость вошла бы в радиаторы.

— Расчёт подтверждает.

Савва тихо выдохнул.

— Теперь можно не арестовывать человека, который только что сохранил вам двигатели?

— Можно арестовать после спасения двигателей, капитан.

Орсо приказал «Рубежу» вернуться за корму буксира. Это было признанием ошибки, сформулированным тягой.

Они продолжили путь. Чем ближе становился К-17, тем чаще карта менялась. Пять потоков то расходились, то почти слипались. Ная сохраняла каждый вариант отдельно и присваивала ему имя по порядку, не по предполагаемому человеку: первый, второй, третий, четвёртый, пятый.

— Если мы узнаем, где Лада? — спросил Илья.

— Тогда имя появится рядом с номером, — ответила Ная. — Номер не исчезнет. Иначе начнём верить любимому потоку больше остальных.

— Правильно.

Он сказал это без гордости за неё. Гордость была опасно близка к попытке присвоить её решение. Ная услышала разницу и коротко кивнула.

В двадцати километрах от внешней дуги «Мнема» получила приказ лечь в дрейф. Орсо прислал карантинную схему: стыковка крейсера с буксиром, изоляция Ильи, переход Саввы и Деи под командование флота. Спасательная группа должна была войти в узел после прибытия лабораторного модуля — через пятьдесят три часа.

— К тому времени поток пересечёт трассу, — сказала Мара.

— Трасса будет закрыта, — ответил Орсо.

— На ней три Свода, — сказал Савва. — Закроете им подвоз воздуха?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.